Потому что я тебя люблю

Автор:
Гийом Мюссо

Потому что я тебя люблю

Гийом Мюссо

Книга в сумочку

«Потому что я тебя люблю» – роман загадок от одного из самых популярных французских писателей.

Марк и Николь были счастливы, пока в их жизнь не пришло страшное несчастье. Их дочь Лейла исчезла, и никто не мог найти ее. Марк, не в силах пережить обрушившееся на семью несчастье, бросил все и ушел бродяжничать.

Спустя пять лет Лейлу нашли – в том самом месте, где она пропала. Марк немедленно вылетел за дочерью, чтобы вместе вернуться домой.

Но почему Лейла молчит? И где она была все это время?

Гийом Мюссо

Потому что я тебя люблю

© Кошелева Е., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Ничто лучше, чем роман, не дает представления о том, что реальность устроена плохо, что ее недостаточно для удовлетворения желаний, стремлений и мечтаний человека.

Марио Варгас Льоса

Читателям от автора

Не рассказывайте вашим друзьям, чем заканчивается эта история, иначе сюрприза не будет!

1. Ночь, когда все началось

Мы должны научиться распознавать их сами – самые важные перекрестки на нашем жизненном пути, ведь путевых указателей нет.

Эрнест Хемингуэй

Декабрь 2006 года

Рождественский вечер в самом центре Манхэттена.

С утра беспрестанно падает снег. Скованный холодом «никогда не засыпающий город», кажется, начинает затихать, несмотря на непрекращающуюся вакханалию уличного освещения.

В рождественский вечер машины катятся по улицам на удивление плавно, слой пушистого снега и плотные сугробы затрудняют малейшее передвижение.

На углу Мэдисон-авеню и 36-й улицы один за другим плывут лимузины, стараясь придерживаться заданного ритма. Они доставляют своих пассажиров к центральному подъезду красивого дома в стиле Ренессанс, туда, где располагается библиотека Моргана. Это один из самых престижных культурных фондов Нью-Йорка, отмечающий сегодня свое столетие.

На парадной лестнице – круговорот смокингов, роскошных нарядов, мехов и драгоценностей. Толпа стекается к павильону из стекла и стали. Он, являясь продолжением здания, гармонично вписывает его в XXI век. Длинный коридор последнего этажа ведет в просторную комнату, где за стеклами витрин выставлены некоторые из сокровищ фонда: библия Гутенберга, украшенные миниатюрами средневековые манускрипты, рисунки Рембрандта, Леонардо да Винчи и Ван Гога, письма Вольтера и Эйнштейна и еще – краешек бумажной скатерти, на котором Боб Дилан[1 - Боб Дилан (1941) – американский автор-исполнитель песен, поэт, художник. По данным опроса журнала Rolling Stones, является второй (после The Beatles) по значимости фигурой в истории рок-музыки. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. перев.)] написал слова «Blow in the wind» («Унесенные ветром»).

Постепенно наступает тишина, опоздавшие занимают места. На сегодняшний вечер часть читального зала специально переоборудована для того, чтобы некоторые привилегированные гости смогли услышать сонеты Моцарта и Брамса в исполнении скрипачки Николь Хэтэуэй.

Под аплодисменты исполнительница выходит на сцену. Это молодая женщина тридцати лет, умная, роскошная в ореоле выпавших на ее долю страданий. Прическа в стиле Грейс Келли придает ей облик хичкоковской героини. Николь Хэтэуэй восторженно принимали на многих сценах мира, она играла с самыми знаменитыми оркестрами и, записав в шестнадцать лет свой первый диск, уже тогда получила бесчисленное количество наград.

Пять лет назад ее жизнь была разрушена. Пресса и телевидение широко освещали эту драму, и с того времени ее известность перестала быть достоянием лишь узкого круга меломанов.

Николь поприветствовала публику и приготовилась играть. Ее классическая красота великолепно сочеталась с элегантностью патрицианского здания, и казалось, что античные гравюры и манускрипты эпохи Возрождения – ее естественная среда. Решительным и наполненным смыслом прикосновением к инструменту ее смычок сразу же заговорил со струнами. И этот диалог продолжился до самого конца исполнения…

За стенами здания – холодная ночь, и снег все падает и падает.

А внутри – комфорт, блеск и утонченность.

Менее чем в пятистах метрах отсюда, недалеко от станции метро «Грэнд-сентрал», медленно приподнимается крышка канализационного колодца. Оттуда высовывается всклокоченная голова человека – взгляд потухший, лицо со следами побоев.

Отпустив черного лабрадора, которого он держал на руках, человек с трудом выбирается на заснеженный тротуар, переходит улицу, зигзагами передвигается по мостовой, не давая автомобилям, закатившим клаксоновый концерт, раздавить себя.

Худой и обессиленный, бомж одет в грязное поношенное пальто. Когда он сталкивается с прохожими, те ускоряют шаг и инстинктивно отходят в сторону.

Это естественно. Он знает, что вызывает страх, что дурно пахнет – мочой и потом.

Ему только 35, а выглядит он на пятьдесят. Раньше у него была работа, жена, ребенок и дом. Но это было давно. Сейчас он – бродячая тень, призрак, обернутый в тряпки, бормочущий бессвязные слова.

Он с трудом держится на ногах, скорее тащится, нежели идет, качается.

Какое сегодня число? Который час? Какой месяц?

Он уже не знает. Все смешалось в голове. Он видит огни города, но они будто расплываются. Снежные льдинки, гонимые ветром, царапают ему лицо, словно

крошечные лезвия. Ноги застыли, желудок болит, в костях ломота.

Прошло уже два года с тех пор, как он покинул общество людей, чтобы закопаться в утробе города. Как и тысячи других бомжей, он нашел убежище в подземельях метро, трубах канализации и на железнодорожных путях. Добропорядочные граждане и туристы, спите спокойно: политика нулевой толерантности, проводимая муниципалитетом, принесла свои плоды. Поверхность Манхэттена тщательно зачищена. Но под сверкающими небоскребами теплится параллельная жизнь человеческих отбросов Нью-Йорка, обживающих пространства туннелей, ниш и впадин. Тысячи «людей-кротов», сброшенные на дно, скрываются от полицейского преследования, втиснутые в грязные подземелья среди крыс и экскрементов.

Это правда.

Человек роется в кармане, чтобы достать бутылку скверного алкоголя. Конечно, он пьет. А как иначе?

Глоток, затем другой.

Чтобы забыть холод, страх, мерзость.

Чтобы забыть свою прежнюю жизнь.

* * *

Последнее движение смычка Николь Хэтэуэй. В течение двух тактов в зале стоит полная тишина. Та самая знаменитая тишина после Моцарта, когда кажется, что он, Моцарт, все еще звучит, и вдруг… мощные аплодисменты, сметающие музыку.

Исполнительница склоняет голову, получает букет, пересекает зал, принимая поздравления со всех сторон. Пусть приглашенные изливают восторги, источают похвалы – Николь знает, что ее исполнение не было потрясающим. Она сыграла эти сонаты безукоризненно, технично, кристально чисто и очень выразительно.

Но без души.

С отсутствующим видом она механически пожимает кому-то руки, слегка прикасается губами к шампанскому, и ей уже хочется ускользнуть.

– Ты хочешь вернуться, дорогая?

Она медленно оборачивается на этот успокаивающий голос. Это Эрик, ее компаньон, стоит перед ней с бокалом мартини. Ее поверенный и вот уже несколько месяцев в какой-то мере спутник жизни. Всегда рядом – он был с ней всегда, когда она в этом нуждалась.

– Да. У меня кружится голова. Отвези меня домой.

Не дожидаясь ответа, он устремляется в вестибюль и уже протягивает ей серое фланелевое манто. Она укутывается в него, запахнув воротник.

Быстро попрощавшись, они спускаются по величественной мраморной лестнице. А в это время наверху праздник только начинается.

– Я тебе вызову такси, – предлагает Эрик уже в вестибюле. – Схожу в контору и догоню тебя.

– Я с тобой, это всего лишь пять минут.

– Зачем? Такая скверная погода.

– Мне хочется пройтись и подышать свежим воздухом.

– Но это может быть опасно!

– С каких это пор стало опасным пройти пешком триста метров? И потом, ты ведь рядом.

– Как хочешь.

Они в молчании вступают на тротуар и сквозь пронизывающий холод быстро доходят до 5-й авеню. На улицах все еще мало машин. Снег продолжает

заваливать город тяжелыми бесшумными хлопьями.

Машина вот уже в каких-нибудь ста метрах, сразу за Брайант-парком. Когда стоит хорошая погода, это место – приятный зеленый уголок, идеальный для вылазки на солнце, пикника или партии в шахматы вблизи фонтана. Но этим вечером оно, погруженное в темноту, выглядит зловещим и пустынным…

– Давай ДЕНЬГИ!

Николь слабо вскрикивает.

Перед ее глазами молнией сверкает нож.

– Деньги, говорю тебе! – приказывает обладатель ножа.

Это человек неопределенного возраста, очень крупный и мощный. Его бритый череп высовывается из-под темной ветровки, спускающейся до колен. Все лицо, даже дырки малюсеньких глаз, горящих демоническим огнем, пересекает грубый шрам.

– БЫСТРЕЕ.

– О’кей, о’кей! – сдается Эрик, доставая бумажник, протягивая еще и «брайтлинг»[2 - «Брайтлинг» – швейцарские наручные часы.], и мобильный телефон.

Человек хватает все это и подходит к Николь – у нее сумка и футляр со скрипкой.

Она старается скрыть волнение. Не в силах выдержать взгляд грабителя, Николь просто закрывает глаза. Преступник срывает жемчужное колье, а она повторяет про себя алфавит в обратном порядке. Быстро, быстро, как в детстве, чтобы победить страх.

«Зед, уай, экс, дабл ю, ви, ю…»

Это все, что она смогла придумать, чтобы отвлечься, ожидая момента, когда все это станет лишь дурным воспоминанием.

«Ти, эс, а, кью, пи, оу…»

Он сейчас уйдет, ведь он взял все, что хотел: деньги, телефон, драгоценности…

«Эн, эм, эль, кей, джей, ай, эйч…»

Он сейчас уйдет, ему ни к чему нас убивать.

«Джи, эф, и, ди, си, ви, эй…»

Но когда она открывает глаза, человек все еще перед нею. Он берет нож, чтобы нанести ей удар.

Эрик увидел взмах ножа, но, парализованный страхом, даже не шелохнулся, чтобы защитить ее.

Почему его поведение не удивило ее?

А впрочем, у нее нет больше времени что-либо сделать. Беспомощная, Николь покорно наблюдает, как лезвие ножа вот-вот перережет ей горло.

А все-таки, что же было ее жизнью?

Многообещающий дебют, блестящее общество, а потом падение в ад. И вот – бесславный, внезапно наступивший конец. Горькое ощущение: я – героиня с незавершенной историей.

Странно. Говорят, что в момент смерти перед человеком быстро, один за другим, пролетают важнейшие моменты его жизни. А Николь видит только одну сцену: бескрайний пляж, никого, только два человека, они радостно машут ей руками. Она четко видит их лица. Одно из них принадлежит единственному мужчине, которого она любила, но не смогла удержать. А второе – ее дочери, которую она не смогла защитить.

* * *

Я умерла.

Нет. Еще нет. Почему?

Кто-то откуда-то появился.

Бомж.

Николь сначала подумала о новом нападении, прежде чем поняла, что вновь пришедший старается ее спасти. На самом деле он в последний момент принял на себя удар ножа в плечо. Несмотря на рану, он быстро поднимается, с ожесточением бросается на грабителя и разоружает его. Бандит выпускает из рук свою добычу. Затем они ожесточенно молотят друг друга голыми кулаками. Менее плотное телосложение бомжа не мешает ему одержать верх. С помощью собаки, лабрадора с темной шерстью, ему в конце концов удается обратить в бегство своего противника.

Но победа далась нелегко. Он без сил рухнул на снег, лицом вниз на обледеневший тротуар.

А Николь уже устремляется к нему, теряя на ходу затейливые украшения своих лакированных туфелек.

Она тут, в снегу на коленях, у лица этого человека, который только что спас ей жизнь. Она видит следы крови на снегу. Почему этот бомж рисковал ради нее?

– Его надо отблагодарить, дадим ему двадцать долларов, – некстати предлагает Эрик, доставая из снега свой бумажник и телефон.

Теперь, когда опасность миновала, он вновь обрел свой прежний апломб.

Николь смотрит на него с презрением:

– Ты разве не видишь, что он ранен?

– Тогда я звоню в полицию.

– Нужна не полиция, а «Скорая»!

С трудом ей удается перевернуть незнакомца на спину. Она кладет руку на его плечо. Оно сильно кровоточит. Затем она вглядывается в его лицо, скрытое густой бородой.

Сначала она не узнает его. Но только до тех пор, пока не видит его лихорадочно блестящих глаз, пристально смотрящих на нее.

Тогда что-то в ней обрывается. Теплая волна заливает все ее существо. Она еще не понимает – боль это или облегчение. Обжигающий обман или надежда, забрезжившая в ночи.

Она склоняется к нему, приближает свое лицо к его лицу, как бы стараясь защитить от снежных вихрей, налетающих на них.

– Что ты делаешь? – беспокоится Эрик.

– Не звони и иди за машиной, – приказывает она, поднимаясь.

– Почему?

– Этот человек… Я его знаю.

– Как ты можешь его знать?

– Помоги мне отвезти его домой, – просит она, не отвечая на вопрос.

Эрик качает головой, а затем выпаливает:

– Черт возьми, да что же это за тип?

Рассеянно глядя в пустоту, Николь долго молчит, затем шепчет:

– Это Марк, мой муж.

2. Пропавшая

Наименее защищенными от страданий являются влюбленные.

Фрейд

Бруклин с другой стороны реки. Атмосфера изысканного комфорта маленького викторианского дома с башенками и водостоками.

Яркий огонь пылает в камине.

Все еще без сознания, Марк Хэтэуэй лежит на диване в гостиной. Его ноги завернуты в плотное покрывало. Доктор Сьюзен Кингстон заканчивает накладывать швы, склонившись над его плечом.

– Рана поверхностная, – объясняет она Николь, снимая перчатки. – Меня более всего беспокоит общее состояние его здоровья. У него запущенный бронхит, тело покрыто гематомами и обморожениями.

Немногим ранее этим вечером Сьюзен в кругу семьи наслаждалась традиционным рождественским пудингом. Внезапно ей позвонила соседка, Николь Хэтэуэй, умоляя осмотреть ее раненого мужа.

Сьюзен была крайне изумлена, но немедленно выехала. Она и ее супруг хорошо знали Марка и Николь. Пять лет назад, до того, как случилось несчастье, обе пары симпатизировали друг другу, часто проводили вместе вечера: открывая для себя итальянские рестораны Парк-Слоупа[3 - Авторитетный журнал «Natural Home» включил бруклинский Парк-Слоуп (Park Slope) в десятку лучших районов Соединенных Штатов.], торгуясь с антикварами Бруклин-Хайтса[4 - Бруклин-Хайтс – самый европейский, престижный район Бруклина, с дорогими особняками, кафе и забавными магазинами.], бегая по огромным лужайкам Проспект-парка[5 - Проспект-парк – большой общественный парк в Бруклине.] в выходные дни.

Сейчас то время казалось далеким, почти нереальным.

Глядя на Марка, Сьюзен не могла заставить себя отделаться от омерзительного ощущения гадливости.

– Ты знала, что он жил на улице?

Николь покачала головой, не в состоянии говорить.

Однажды утром, два года назад, ее муж сказал, что уезжает и что больше не будет жить «вот так», у него нет больше сил. Она все сделала, чтобы удержать Марка, но иногда все – не значит достаточно. С тех пор Николь не знала о нем ничего.

– Я дала ему успокоительное и антибиотики, – пояснила Сьюзен, собирая вещи.

Николь проводила ее до двери.

– Зайду завтра утром, – пообещала Сьюзен, – но…

Она остановилась на середине фразы, ужаснувшись тому, что сейчас собиралась сказать: «…не отпускай его в таком состоянии, иначе… он умрет».

* * *

– Ну и как?

– Что как?

– Что будем делать? – спросил Эрик. – С твоим мужем?

Со стаканом виски в руке адвокат мерил шагами кухню.

Николь смотрела на него со смешанным чувством усталости и отвращения.

Что она целый год делала с этим типом? Как она позволила ему войти в ее жизнь? Почему привязалась к нему?

– Уходи, пожалуйста, – прошептала она.

Эрик покачал головой:

– И речи не может быть, я не могу оставить тебя в такой момент.

– А когда у моего горла был нож, совесть не помешала тебе оставить меня!

Он застыл, сраженный ее словами. Понадобились секунды для того, чтобы он смог придумать себе оправдание.

– У меня не было времени… – начал было он, но ему не удалось закончить фразу.

– Уходи, – просто повторила Николь.

– Ну, если ты действительно этого хочешь… Но я тебе позвоню завтра, – добавил он, исчезая.

Николь почувствовала облегчение, освободившись от Эрика. Она вернулась в гостиную, выключила все лампы и тихо придвинула кресло к дивану, чтобы быть как можно ближе к Марку.

Комната была освещена только оранжевым пламенем пылающих в камине дров, теперь здесь царило полное спокойствие.

Изнуренная, растерянная Николь положила свою руку на руку мужа и закрыла глаза. Они были так счастливы в этом доме! Они были без ума от радости, когда однажды отыскали его. Это был типичный городской особняк, построенный в конце XIX века, с фасадом, облицованным коричневым песчаником, и красивым садом. Они приобрели его десять лет назад, как раз перед рождением ребенка, которого хотели воспитывать вдали от суеты Манхэттена.

На книжных полках несколько фотографий в рамках напоминали о счастливых днях. На одной из них – мужчина и женщина, рука об руку: понимающие

взгляды, нежные жесты. Романтические каникулы на Гавайях и полная приключений поездка на мотоцикле по Гран-каньону. Затем – снимок ультразвукового исследования, а несколькими месяцами позже – круглая мордашка младенца, празднующего свое первое Рождество. На последних фото ребенок – уже маленькая девочка, потерявшая свои первые зубки. Она гордо позирует перед жирафами в зоопарке Бронкса[6 - Бронкс – район Нью-Йорка.], поправляет шапочку под снегами Монтаны[7 - Монтана – штат на северо-западе США.] и подносит к объективу своих двух рыбок-клоунов Эрнесто и Капучино.

Аромат счастливых дней исчез безвозвратно…

Марк закашлялся во сне. Николь вздрогнула. Тот, кто спал на диване, не имел ничего общего с человеком, за которого она выходила замуж. Сейчас только многочисленные дипломы и награды, покрывающие стены, словно трофеи, свидетельствовали о том, что Марк был когда-то известным молодым психологом. В качестве специалиста по психологической реабилитации в стрессовых ситуациях ФАА[8 - ФАА – Федеральное авиационное агентство.] и ФБР вызывали его в случае авиакатастроф и захвата заложников. После 11 сентября он работал на месте катастрофы в кабинетах психологической реабилитации, оказывая помощь семьям жертв, а также служащим Всемирного торгового центра, выжившим после трагедии. Ведь трагедия ни для кого не проходит бесследно. Часть нашего существа навсегда остается заложником криков, пламени и крови. Вы не умираете, но чувствуете себя запятнанным, снедаемым чувством вины, пожираемым глухой тревогой. Вас пронзает вопрос, на который никогда не будет ответа: «Почему выжили вы, именно вы, а не они? Вы, а не ваш ребенок, ваша жена, ваши родители…»

Параллельно с работой психолога Марк делился своим опытом с научно-популярными журналами, выходящими большими тиражами. В своих статьях он старался знакомить читателей с новыми методами лечения: ролевыми играми, гипнозом… Он вместе со своим помощником и другом детства Коннором Мак-Коем был одним из пионеров в области такого рода исследований.

С годами Марк стал модным психоаналитиком и начал часто появляться на телеэкранах. Эта неожиданная популярность вынесла их, его и Николь, на передний край массмедийной сцены. Престижный «Вэнити фэр»[9 - «Вэнити фэр» (Vanity Fair) – журнал, издается в Нью-Йорке с 1983 г. Тираж свыше 1 миллиона экземпляров.] в номере, посвященном самым известным супружеским парам Нью-Йорка, напечатал о них четырехстраничную статью, снабдив ее

вдобавок гламурными снимками. Нечто вроде посвящения в высшее общество.

Но волшебная сказка на глянцевой бумаге вскоре разлетелась в мелкие клочки. В марте, после полудня, Лейла, их пятилетняя дочь, исчезла в торговом центре округа Ориндж[10 - Ориндж – один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии.], на юге Лос-Анджелеса. В последний раз девочку видели разглядывающей игрушки в витрине Дисней-магазина. Ее няня, студентка из Австралии, оставила ребенка всего на несколько минут и отправилась примерить джинсы в соседний бутик Diesel, где проходила распродажа.

Сколько времени прошло с тех пор, как она заметила исчезновение Лейлы? «Не более пяти минут», – заверяла няня следователей.

Одним словом – вечность.

За пять минут может случиться многое.

Известно, что первые часы с момента пропажи ребенка являются решающими. Именно тогда существует наибольшая вероятность найти его живым. После сорока восьми часов шансы катастрофически снижаются.

Шел проливной дождь в тот день, 23 марта. Хотя исчезновение произошло среди белого дня, в людном месте, следователям так и не удалось собрать достоверные свидетельские показания. Просмотр записей видеонаблюдения, допрос няни, виноватой в безответственности, но не в похищении ребенка, ничего не дали.

А затем потекли дни…

В течение нескольких недель более ста полицейских с разыскными собаками и вертолетами прочесывали весь район. Но даже усилия, приложенные ФБР, не смогли навести на какой-либо конкретный след малышки.

…потом месяцы…

Отсутствие информации сбивало с толку полицию. Не поступило никакого требования о выкупе, не было никаких достоверных данных. Ничего.

…и годы…

В течение пяти лет фотография Лейлы висела на вокзалах, в аэропортах и почтовых отделениях рядом со снимками других пропавших детей.

Но Лейлу так и не нашли.

Она исчезла.

* * *

Жизнь Марка остановилась в тот день, 23 марта 2002 года. Исчезновение дочери повергло его в полное отчаяние. Опустошенный внутренней борьбой, родившейся из боли и чувства вины, он отрекся от работы, жены, друга.

Он нанял лучших частных детективов, которые в первые несколько месяцев провели тщательное расследование.

Безрезультатно.

Тогда он сам бросился на поиски, но тщетно.

Эти обреченные на провал поиски длились три года. А затем исчез и сам Марк. Ни жена, ни Коннор не имели от него никаких вестей.

С Николь было иначе.

Вначале ее отчаяние усугубляла личная вина: это ведь она настояла, чтобы Лейла сопровождала ее в Лос-Анджелес, где Николь давала серию сольных концертов. Это она взяла няню, которая стала завязкой этой драмы. Николь решила, что наилучший способ противостоять худшему – с головой погрузиться в работу: концерты и записи… записи и концерты… Она даже решилась рассказать о своей трагедии газетам и телевидению, став покорной жертвой нездорового любопытства.

Бывали дни, когда боль все же становилась невыносимой. Когда ей не удавалось справиться со своими мрачными мыслями, она снимала в гостинице номер, забивалась под одеяла и лежала, словно в глубокой спячке.

Каждый выживает как может…

* * *

Внезапно в камине треснуло полено. Марк дернулся и открыл глаза. Он резко вскочил и некоторое время не мог понять, где же он и что с ним произошло.

Увидев лицо Николь, он постепенно пришел в себя.

– Ты ранена? – спросил он жену.

– Нет, благодаря тебе.

На мгновение показалось, что он опять погрузился в небытие, но вдруг он порывисто встал.

– Лежи, пожалуйста, я тебя умоляю, ты должен отдыхать.

Словно не слыша ее, он сделал несколько шагов к оконному проему. За стеклянной перегородкой сверкала улица, белая и безмолвная.

– Где моя одежда?

– Я ее выбросила, Марк, она была грязная.

– А моя собака?

– Я привела ее сюда, но… она убежала.

– Я ухожу! – закричал он и, пошатываясь, направился к двери.

Она встала на его пути.

– Послушай, сейчас ночь, ты ранен, истощен. Мы не виделись два года. Нам нужно поговорить.

Николь протянула к нему руку, но он оттолкнул ее. Она повисла на нем. Марк стал бороться с ней, натыкаясь на полки с фотографиями. Одна из них упала на пол, зазвенело разбитое стекло.

Он поднял ее и поставил на место. На него смотрела его дочь. Зеленые смеющиеся глаза, улыбка на губах, она излучала счастье и радость бытия…

Вдруг что-то в нем оборвалось, и он, рыдая, рухнул спиной к стене. Николь прижалась к его груди, и они долгое время отрешенно лежали в объятиях друг друга, погруженные в свое горе: ее нежная кожа касалась его – огрубевшей, утонченный аромат духов «Герлен»[11 - Пьер-Франсуа Герлен – парфюмер, в 1828 г. основал в Париже фабрику, которая стала производителем элитной парфюмерии. Парфюмерами «Guerlain» создано более 700 ароматов, некоторые из которых считаются шедеврами.] смешивался со смрадом улицы.

* * *

Взяв мужа за руку, Николь повела его в ванную и, прежде чем ускользнуть, пустила струю душа. Опьяненный дурманящим запахом шампуня, Марк около получаса стоял под струями домашнего дождя, обжигающего и возрождающего. Мокрый, завернутый в большое полотенце, он пошел по коридору, оставляя на ухоженном паркете лужицы воды. Марк оказался в комнате, которая ранее служила ему гардеробной, и заметил, что все его вещи по-прежнему там. Он даже не взглянул на свои бывшие костюмы – Армани, Босс, Зегна…

Марк спустился к Николь на кухню.

Сочетание дерева, стекла и металла – все это должно было создавать эффект прозрачности. Широкая столешница благородных очертаний скользила вдоль всей стены, а прекрасно оборудованный островок в центре приглашал занять место у плиты. Несколько лет назад эта комната излучала радостную атмосферу утренних завтраков в кругу семьи, полдников с блинчиками и ужинов

влюбленных. Но уже очень давно никто больше здесь по-настоящему не готовил.

– Я сделала тебе омлет и тосты, – сказала Николь, наполняя кружку дымящимся кофе.

Марк сел перед своей тарелкой, но тут же встал. Его руки задрожали.

Прежде чем дотронуться до пищи, ему надо выпить. Алкоголь.

Под ошеломленным взглядом Николь он лихорадочно открыл первую попавшуюся под руку бутылку вина и опустошил до половины двумя долгими глотками. Успокоившись, он принялся за еду, не говоря ни слова, пока Николь не осмелилась спросить его:

– Марк, где ты был?

– В ванной, – ответил он, не глядя на нее.

– Нет, где же ты был эти два года?

– Внизу.

– Внизу?

– В туннелях метро, в сточных канавах, в канализационных трубах, с бомжами.

Со слезами на глазах его жена покачала головой в знак непонимания:

– Но почему?

– Ты прекрасно знаешь – почему, – сказал он, повышая голос.

Николь подошла к нему, взяла его за руку:

– Марк, у тебя есть жена, работа, друзья…

Он выдернул руку и встал из-за стола:

– Отстань!

– Объясни мне одну вещь, – закричала она, чтобы его удержать, – что тебе дает эта жизнь бродяги?

Он пристально на нее посмотрел:

– Я живу так, потому что по-другому жить не могу. Ты вот можешь, а я нет.

– Не нужно винить меня, Марк.

– Я тебя ни в чем не упрекаю. Строй свою жизнь, если этого хочешь. Ну а для меня это такая боль, с которой я справиться не могу.

– Ты же психоаналитик, Марк. Ты помогал людям преодолеть всякого рода катастрофы…

– С этой болью я справиться не могу, потому что это единственное, что не дает мне умереть. Это все, что у меня осталось от… нее, ты понимаешь? Не проходит ни минуты, чтобы я не думал о ней, чтобы я не спрашивал себя, что похититель мог сделать с ней и где она может быть в данный момент!..

– Она мертва, Марк, – обронила Николь отчужденно.

Этого он уже вынести не мог – поднял руку и схватил ее за горло, словно собираясь задушить:

– Как ты можешь говорить такие вещи?!

– Прошло пять лет! – выкрикнула она, освобождаясь. – Пять лет – и ни малейших признаков жизни, пять лет – и никто не потребовал выкупа!

– И все же всегда есть шанс…

– Нет, это конец, реальной надежды больше нет. Она не появится со дня на день. Этого не бывает никогда, ты понимаешь? НИКОГДА.

– Замолчи!

– Если когда-нибудь что-нибудь найдут, так только ее труп…

– НЕТ!

– Да! И не думай, что только ты один страдаешь. А как же я, потерявшая не только дочь, но и мужа?

Не отвечая, Марк поспешно вышел из кухни. Николь бросилась за ним, решительно настроенная убедить его в своей правоте.

– Ты никогда не думал, что мы можем иметь других детей? Ты когда-нибудь говорил себе, что со временем жизнь могла бы возродиться в этом доме?

– Прежде чем заводить других детей, я хочу найти свою дочь.

– Позволь мне позвать Коннора. Вот уже два года, как он повсюду ищет тебя. Он поможет тебе справиться с этим.

– Я не хочу! Моя дочь страдает, и я хочу страдать вместе с ней.

– Если ты будешь продолжать жить на улице, ты умрешь! Ты этого хочешь? Тогда иди! Пусти себе пулю в лоб!

– Я не хочу умирать, так как хочу быть там и в тот день, где и когда ее найдут.

Николь схватила телефон и набрала номер Коннора.

Ответь, Коннор, ответь…

Где-то в ночи, в пустоте, раздалось несколько телефонных звонков. Николь поняла, что Коннор не ответит и что она проиграла битву. Одной ей не удастся

удержать мужа.

В гостиной Марк опять лег на диван и проспал еще несколько часов.

Он поднялся на рассвете, взял в гардеробной свою спортивную сумку, сунул туда одеяло, ветровку, пакеты с сухарями и несколько бутылок алкоголя.

Николь добавила ко всему этому телефон, запасной аккумулятор и зарядное устройство.

– Если ты вдруг решишь позвонить Коннору или я захочу связаться с тобой…

Когда Марк открыл дверь дома, снег уже прекратился и первые проблески дня окрашивали город голубоватым отсветом.

Как только он шагнул на снежное покрывало, из-за урны, как по мановению волшебной палочки, возник черный лабрадор, издав радостный лай. Марк почесал его за ухом в знак признательности. Он подул на замерзшие руки, повесил на плечо сумку и пошел в сторону Бруклинского моста.

На пороге своего дома Николь смотрела вслед мужчине своей жизни, который уходил от нее в раннее утро. Тогда она вышла на середину улицы и закричала:

– Ты мне нужен!

Как оглушенный, он обернулся в десяти метрах от нее, слабо пошевелился и развел в стороны руки, будто хотел сказать: «Мне жаль».

И исчез за углом.

3. Некто, похожий на меня

Жизнь – это ожерелье страхов.

Бьорк[12 - Бьорк (полное имя – Бьорк Гудмундсдоттир), родилась в 1965 г. в Рейкьявике (Исландия). Исландская певица, актриса, музыкант, композитор и автор песен, лауреат множества премий. Ее песни относят ко многим жанрам и стилям.]

Девушка, которая мечтала о канистре бензина и спичке.

Название романа Стига Ларссона[13 - На русском языке книга выходила под названием «Девушка, которая играла с огнем».]

Кабинет доктора Коннора Мак-Коя располагался в одной из стеклянных башен престижного Тайм-Уорнер-центра на западной окраине Централ-парка.

Коннор очень гордился этим: все было задумано так, чтобы пациенты чувствовали себя комфортно и получали прекрасное обслуживание.

Благодаря рекомендациям бывших пациентов клиентура Коннора не переставала увеличиваться, хотя его не совсем традиционные методы лечения были не по душе всем его коллегам.

Этой рождественской ночью он все еще был в своем кабинете, изучал историю болезни одного пациента. Мак-Кой подавил зевок и бросил взгляд на часы.

Половина второго ночи.

Все равно его никто не ждал. Коннор жил только работой, у него не было ни подруги, ни семьи. Он организовал свой первый кабинет с Марком Хэтэуэем, другом детства. Оба страстно любили психологию, оба выросли в неблагополучном квартале Чикаго. Оба уже не понаслышке знали, что такое страдание, и решили направить всю свою энергию и знания на создание новых методов терапевтического лечения. Их успех был сногсшибательным. Но с Марком произошло несчастье. Коннор, как только мог, изо всех сил поддерживал его. Даже когда полиция опустила руки, он вместе с другом проводил расследование по поводу исчезновения его дочери. Но это не помогло – и Марк исчез, раздавленный горем. Бегство соратника повергло Коннора в полную растерянность. Он не только потерял лучшего друга – его постигла тем самым и самая крупная профессиональная неудача.

Чтобы отогнать тяжелые воспоминания, Коннор встал с кресла и налил себе остатки неразбавленного виски.

«Счастливого Рождества!» – сказал он своему отражению в зеркале, поднимая стакан.

Волшебный свет наполнял отделанную прозрачными панелями комнату, выходящую в парк. Вид из окна был потрясающим. А здесь, внутри, все строго, без излишеств. На металлической полке – две скульптуры в стиле Джакометти[14 - Джакометти – швейцарский скульптор, живописец и график (1901–1966). Один из крупнейших мастеров XX в.] словно устремлялись в пространство, на стене – монохромная картина Роберта Римана[15 - Роберт Риман – американский художник-авангардист, известен своей серией «Белая линия».], вызывающая недоумение у тех, кто видел в ней только белый квадрат. А Коннора полотно завораживало своими почти неуловимыми колебаниями света.

Догадаться о невидимом, видеть за гранью вероятного…

Это и есть суть его профессии.

Со стаканом в руке доктор просмотрел несколько снимков на экране своего ноутбука. Это была подборка церебральных рентгенограмм, представляющая участок мозга одного из его пациентов. Каждый раз, наблюдая подобные изображения, Коннор изумлялся.

Страдание, любовь, ощущение счастья или несчастья – все происходило там, в тайнах нашего мозга, среди миллиардов нейронов. Желание, память, страх, агрессивность, мысль, сон зависели не в последнюю очередь от выделения организмом различных химических веществ, нейротрансмиттеров, призванных переносить послания от одного нейрона к другому. Увлеченный последними достижениями науки о мозге, Коннор был одним из первооткрывателей анализа биологических причин депрессии. Исследование, которым он занимался, показывало, например, что если у пациента укороченная форма передающегося по наследству гена, то он предрасположен к депрессии или самоубийству. Люди с рождения предстают неравными перед лицом жизненных испытаний.

Но Коннор не мог решиться следовать только этому генетическому детерминизму. Убежденный в том, что психика и биология тесно связаны, молодой врач постоянно стремился расширять свои познания в двух областях: психологии и неврологии. Конечно, генотип диктует нам, но на протяжении всей жизни мозг может перепрограммироваться под влиянием эмоциональных и любовных отношений.

Во всяком случае, его кредо было таковым: ничто и никогда не является предопределенным.

Врач одним махом проглотил порцию виски, надел пальто и вышел из кабинета.

В здании располагался пятизвездочный отель, несколько ресторанов и джаз-клуб. Со всех этажей раздавались радостные возгласы, они еще более подчеркивали одиночество психолога. В лифте Коннор открыл висящую на плече сумку, чтобы проверить, не забыл ли он истории болезни, которые хотел изучить дома на следующий день. Через два дня у него сеанс коллективной психологии. Для эффективного проведения такого рода терапии требовалась тщательная подготовка.

Мак-Кой вошел в подземный паркинг, доступ в который был возможен только через процедуру распознавания сетчатки глаза. Он пригнулся, чтобы отсканироваться, затем добрался до машины, сверкающего купе «Астон-Мартин» серебристого цвета.

Одно нажатие на ключ – и болид открыт, и вновь можно вдохнуть запах кожи. Он положил сумку на пассажирское место и выехал из гаража, который выходил на Коламбус-серкл[16 - Коламбус-серкл – одна из самых известных площадей Манхэттена.]. Снег продолжал падать крупными хлопьями, и дорога становилась скользкой. Коннор доехал до авеню Америк[17 - Шестая авеню – более распространенное название этого проспекта в Нью-Йорке, на Манхэттене. Официальное название – авеню Америк (Avenue of the Americas) – непопулярно среди местных жителей.] в направлении ТриБеКе[18 - TriBeCa – жилая и деловая часть Южного Манхэттена в Нью-Йорке. Название происходит от Triangle Below Canal Street.].

Из радиоприемника автомобиля звучала электронная музыка в стиле рэдиохед[19 - Стиль альтернативного рока.], уводящая в неопределенное,

лишенное человечества будущее, в котором люди проиграли все свои баталии. Музыка эта соответствовала нынешнему состоянию его духа – глубокому дискомфорту, который постоянно преследовал его.

На перекрестке с Бродвеем он попытался увеличить скорость до опасного предела и чуть не вылетел с трассы. Все чаще и чаще ему стало нравиться флиртовать с опасностью. Не самое плохое средство почувствовать себя живым.

Он остановился на красный в начале Гринвич-виллидж[20 - Гринвич-виллидж – богемный район в Нью-Йорке, известен с XIX в. как колония художников.]. Склонившись над рулем, на мгновение закрыл глаза.

Мне надо взять себя в руки!

До недавнего времени Коннор думал, что работа окончательно избавила его от прежних страхов. Он даже написал книгу «Выжить», чтобы рассказать свою историю и обратиться к людям с посланием надежды. Но дезертирство Марка все перечеркнуло, и он впал в опасное состояние отчаяния, разрушающей тоски и постоянного чувства вины.

Он тер руками глаза, когда звонок мобильного телефона вывел его из оцепенения. Коннор выхватил аппарат из кармана куртки и прочитал на экране:

«Николь Хэтэуэй».

Николь? Они не общались с тех пор, как она начала встречаться с этим адвокатом, Эриком. Кретин. Сердце Коннора забилось сильнее. Он вдруг решил (хотя не очень верил в это), что появились новости от Марка. Крайне взволнованный, он собирался ответить, как вдруг…

– ЧЕРТ!

Дверь машины со стороны пассажира резко распахнулась, и чья-то рука схватила его кожаную сумку. Не размышляя, Коннор одним прыжком выскочил из машины и бросился вслед похитителю или скорее… похитительнице.

Сквозь хлопья снега он отчетливо видел длинные волосы девушки, прижимающей к груди его сумку.

Коннор бежал все быстрее и быстрее, то и дело рискуя растянуться на заснеженном тротуаре. Он был уже в каких-нибудь двух метрах от нее, как вдруг она резко свернула и бросилась через дорогу прямо на машины, рискуя быть раздавленной.

Маленькая дрянь!

Совершенно забыв об опасности, Коннор следовал за ней по пятам. Ни за что на свете он не хотел лишиться находящихся в сумке документов – в них хранилась частная жизнь, сокровенные тайны его пациентов.

Он уже почти догнал преступницу, сокращая разрыв между ними. Когда Коннор понял, что девушка выбилась из сил, он выбросил свое тело вперед и придавил ее всей своей тяжестью. Она уткнулась лицом в снег, неподвижная, с вывернутой за спину рукой.

– Отдай! – приказал Коннор, вырывая у нее сумку.

Вернув свое, врач медленно встал, крепко держа руку своей противницы, помогая ей подняться.

– Оставьте меня! – закричала она, вырываясь.

Игнорируя ее просьбу, Коннор протащил девушку несколько метров к тому месту, куда падал свет фонаря. Ему надо было увидеть ее. Вот теперь он ее хорошо рассмотрел.

Это была девочка лет пятнадцати, хрупкая и долговязая. Бледный цвет ее лица резко контрастировал с длинными черными волосами, попорченными обесцвеченными вихрами кроваво-красного оттенка. Старое виниловое пальто, короткая юбка, колготки в сеточку.

– Оставьте меня! – повторила она.

По-прежнему не обращая внимания на ее крики, Коннор еще крепче сжал ее руку. Что делала такая молоденькая девушка одна, посреди ночи, в рождественский вечер?

– Как тебя зовут?

– Отвали! – прошипела она.

– Ну, если так, я отведу тебя в полицию.

– Сволочь!

Она вырывалась с такой силой, что бумажник выпал из кармана ее пальто. Ловким движением Коннор подхватил его в снегу. Внутри он нашел удостоверение личности, рассказавшее ему, что похитительницей была Эви Харпер, родившаяся 3 сентября 1991 года.

– Что ты делаешь на улице в два часа ночи, Эви?

– Верните мои документы. Вы не имеете права!

– Мне не кажется, что сейчас самое время говорить о правах, – заметил Коннор.

Он отпустил ее. Освободившись, Эви отошла на несколько метров, но не убежала. Она смотрела на него с вызовом.

Коннор пристально посмотрел на нее. Девочка дрожала от холода. Ее веки были обведены черной тушью, и сквозь этот вампирский макияж проглядывали светлые глаза испуганного ребенка, и в них сверкала необычная решимость.

– Послушай, я отведу тебя к родителям.

– У меня нет родителей! – сказала она, отступая.

– А где ты живешь? В приюте? В приемной семье?

– Отвали!

– Это ты мне уже говорила, – вздохнул доктор. – И это все, что ты выучила в школе?

Он испытывал раздражение и сочувствие одновременно. Эви напоминала ему кого-то. Но кого? Коннор ощущал, что она боится. Он догадывался также, что девчонка настрадалась в жизни, а все остальное не имело для нее никакого значения.

– Тебе нужны деньги?

Она не ответила. И опять ее глаза выдавали ужас, который она пыталась скрыть.

– Это на наркотики, да? Тебе нужна доза, у тебя ломка?

– Я не наркоманка!

– А ты ходишь в школу?

– А тебе-то что?

Коннор приблизился к Эви и решил заговорить по-другому:

– Послушай, я врач, я могу найти тебе ночлег.

– Ты что, хочешь меня спасти?

– Я хочу тебе помочь.

– Мне не нужна твоя помощь.

– А что же ты тогда хочешь?

– Только деньги.

– Деньги для чего?

– Черт, ты полицейский, что ли?

Коннор открыл застежку-липучку Эвиного кошелька, чтобы осмотреть его содержимое.

Ничего, ни единой купюры. Ни даже мелкой монеты.

Он положил на место удостоверение личности и вернул бумажник девочке. Эви быстро схватила его.

– Я могу предложить тебе горячий ужин, – сказал он.

– А взамен что делаю я?

– Ничего, Эви.

Теперь она смотрела на него подозрительно. Жизнь приучила ее опасаться мужчин, даже если в них чувствовалось что-то внушающее доверие.

– А почему ты хочешь мне помочь?

– Потому что ты мне кого-то напоминаешь.

Она, казалось, колеблется, но потом:

– Я ухожу, не нужна мне твоя еда.

Но Коннор стал настаивать:

– Послушай, там, на четырнадцатой улице, совсем рядом, наверху есть закусочная, «У Альберто» называется. Ты знаешь где?

– Да, да, – закивала головой Эви, противореча себе.

– Я пойду к машине, – объявил Коннор, – потом зайду туда, вкусно поем. «Альберто» – это король гамбургеров Нью-Йорка. Ничего общего с «Макдоналдсом», ты увидишь.

– Я ничего не увижу.

– Я, во всяком случае, буду там. Ну, если ты через десять минут соберешься пойти за сочным гамбургером с хрустящим хлебом, маленькими луковками, ломтиками корнишонов и жареной картошкой, ты знаешь, где меня найти.

Не спеша он двинулся вверх по улице, придерживаясь середины тротуара. Пройдя метров двадцать, он обернулся.

Свет уличных фонарей серебром окрашивал редкие хлопья снега, все еще продолжающие падать, придавая улице феерический вид. Словно скованная холодом, Эви не сдвинулась с места ни на сантиметр. И вновь Коннор был потрясен ее хрупкостью и мертвенной бледностью. Ему почудилось, будто в ней что-то уже умерло.

– Я не приду, – вновь отказалась она гордо.

– Тебе решать, – бросил ей Коннор.

* * *

Не прошло и четверти часа, как Эви, устроившись у стойки кафе, уплетала гамбургер с аппетитом человека, не евшего два дня.

Время не коснулось этого заведения с диванчиками из потертого молескина[21 - Молескин – плотная прочная хлопчатобумажная ткань, обычно окрашенная в темные цвета. Из молескина шьют спецодежду, рабочие и спортивные костюмы, обувь и т. п.] и потемневшими от времени столовыми приборами, в нем все еще витал старый добрый дух Нью-Джерси. На стене за кассой – коллекция фотографий с автографами, которая наводила на мысль, что Джек Николсон, Брюс Спрингстин[22 - Брюс Спрингстин – американский рок-певец, родился в Нью-Джерси в 1949 г. Мощью и притягательностью сценических выступлений напоминал молодого Боба Дилана.] и Скарлетт Йохансон[23 - Скарлетт Йохансон

– американская актриса и певица, родилась в 1984 г. Наибольшую известность получила за роли в фильмах «Трудности перевода», «Девушка с жемчужной сережкой».] недавно побывали здесь. В глубине ресторана для полудюжины одиноких посетителей из музыкального аппарата жалобно стонала гитара старины Клэптона[24 - Эрик Клэптон – британский гитарист, родился в 1945 г. Командор Ордена Британской империи. Его стиль менялся, но он всегда держался блюзовых корней. Один из самых влиятельных музыкальных деятелей эры рока.].

Снаружи, на тротуаре, Коннор курил сигарету, пристально разглядывая девочку через стекло, будто пытаясь по ее чертам разгадать тайну души. Эви положила пальто на диванчик комом, распахнула жилет, под которым оказалась черная майка, перечеркнутая надписью «Kabbalists do it better»[25 - «Каббалисты круче всех».]. На шее висела серебряная цепочка с перевернутым крестом и пятиконечной звездой на конце. Она поглощала свой гамбургер с такой поспешностью, что все вокруг заляпала кетчупом. В тот момент, когда она вытиралась бумажной салфеткой, Коннор заметил, что запястья девочки замотаны пластырем. А главное, что увидел он, – это следы самокалечения на внутренней стороне предплечий. Сказать, что с этой девочкой происходило что-то неладное, было бы слишком мягко. Коннор ощущал, что ею владеют противоречивые чувства: она была полна решимости и в то же время на грани срыва.

Этим даром – видеть в душах людей – обладал и Марк, еще со времен их молодости…

Марк…

При мысли о друге у него потемнело в глазах. Еще детьми они пообещали себе, что всегда смогут рассчитывать друг на друга. Год за годом они вместе умело отражали тяжелые удары судьбы, которые преподносила им жизнь, не щадившая их. Но с исчезновением Лейлы в пух и прах разлетелись все их точки опоры и прекрасные обещания.

Коннор затянулся в последний раз и бросил окурок в снег. В этот рождественский вечер он ощущал на своих плечах вселенскую усталость. Зачем ему понадобилось в три часа утра дрожать здесь от холода, вместо того чтобы сидеть дома? Он не может так дальше жить. Он не может спасти мир. Ризы матери Терезы слишком тяжелы. Может быть, пришло время сделать паузу,

забыть о пациентах, уехать из Манхэттена куда-нибудь и начать новую жизнь?

Вновь родиться.

В течение нескольких минут такой поворот событий эйфорией наполнял все его существо, как вдруг он почувствовал на себе взгляд Эви оттуда, через стекло. Он поднял голову, и впервые их взгляды по-настоящему встретились. И тогда Коннор окончательно понял, кого напоминала ему эта девочка.

Его самого.

Не будучи знакомым с ней, он чувствовал, что их мучает одно и то же. Она несла свое страдание, как флаг, тогда как он скрывал его под своим статусом врача. Но, в конце концов, они были родственные души.

Коннор решился вернуться в тепло заведения. Блюз Клэптона сменила гитара Боба Дилана – «Shelter from the Storm», – одна из его любимых песен, написанная музыкантом в 1975 году, после разрыва с женой Сарой. Новое доказательство благотворного влияния жизненных потрясений на творческую способность артистов…

– Ну, как гамбургер? – спросил он, усаживаясь рядом с ней на банкетку.

– Сойдет, – сказала Эви, делая глоток молочного коктейля.

Коннор наклонился к девочке. Если он хотел помочь, нужно больше о ней узнать. Он вложил в свой голос всю силу убеждения, на которую был способен:

– Ты, кажется, мне только что сказала, что тебе нужны деньги.

– Забудь, – бросила она ему.

– Да нет, объясни, эти деньги – они нужны тебе для чего? Я хочу понять.

– Тут и понимать нечего!

– Если ты возьмешь их так просто…

Коннор издал продолжительный вздох. Какого черта он всегда лезет к людям помимо их воли?!

Раздосадованный, он отошел от нее к стойке бара и заказал порцию «Короны», все время поглядывая на Эви. Она нервно грызла ногти, покрытые черным лаком, и смотрела в окно.

Расплачиваясь за пиво, Коннор обследовал содержимое своего портмоне: три купюры по сто долларов, только что взятые в банкомате. Для спокойствия ему всегда необходимо было иметь при себе крупную сумму. Классический рефлекс бывшего бедняка.

Вдруг у него возникла мысль. Он слез со своего табурета и пошел к диванчику, где Эви уже собирала свои вещи, чтобы улизнуть.

– А не сыграть ли нам в маленькую игру, – объявил он, кладя на стол одну из стодолларовых банкнот.

– А твоя игра как называется? Совращение малолетки?

– Я думал, ты хотела заработать деньги…

Она смотрела на купюру со смешанным чувством презрения и любопытства. Рука Коннора наполовину прикрывала ее, и девочка заметила, что у него не хватало одной фаланги на среднем пальце.

– Если захочешь, она будет твоя, – решил Коннор, подталкивая банкноту к девочке. – Ответь на мой вопрос – и она твоя…

Она посмотрела на него, опасаясь быть втянутой в какой-то замысел, логики которого не понимала. Но все же…

– Давай этот твой вопрос…

– Для чего тебе нужны деньги? – спросил Коннор, пристально глядя на нее.

Эви потянулась к зеленой бумажке.

– Чтобы купить оружие, – сказала она дерзко.

Эви схватила купюру и положила ее в карман, с вызовом глядя на Коннора. Это были деньги, которые впервые в жизни достались ей так просто.

Коннор оторопел. Он был потрясен ответом девочки. Внезапно в его сознании промелькнула картина: огнестрельное оружие, а затем хлопок и крики. Давно забытое воспоминание, всплывающее без предупреждения.

Ему было не по себе. Коннор достал из кармана вторую купюру и положил на то же место.

– Зачем тебе нужно оружие?

На этот раз Эви раздумывала дольше. Ее первой реакцией было солгать, но она догадывалась, что Коннор это почувствует. Правда – штука редкая и ценная, и за сто долларов, которые он предлагал ей, стоило сказать ее.

– Потому что я хочу убить человека.

Фраза прозвучала как приговор. Коннор, вначале оторопевший, покачал головой, ужаснувшись ответу девочки.

Тем не менее он вытащил свою третью купюру, положил ее на стол и задал последний вопрос:

– За что ты хочешь убить человека?

На этот раз Эви не колебалась ни секунды. Она уже зашла слишком далеко, чтобы отступать назад. Девчонка сгребла последнюю сотню так, как в покере берут выигрыш.

– Чтобы отомстить за себя.

В голове Коннора всплыло из прошлого «беспощадная месть», два слова, от которых у него по спине пробежал холодок.

– Как это отомстить? Кому? Почему?

Но Эви уже надела пальто и повязала шарф.

– Сожалею, но это уже два дополнительных вопроса, а тебе нечем больше платить.

Оказавшись в своей собственной ловушке, он беспомощно смотрел, как она скрывается в дверях ресторана.

– Подожди! – крикнул он, чтобы удержать ее.

Коннор догнал ее на улице. А снег продолжал не спеша падать, накрывая город бесшумным и плотным одеялом.

– Ты не можешь уйти вот так. Холодно, опасно, я найду тебе место, где ты сможешь переночевать.

Она повернулась к нему спиной, не затрудняя себя ответом.

Отчаявшись, что так вышло, Коннор сунул ей в карман свою визитку.

– Может быть, ты передумаешь…

Но он знал, что это не тот случай.

Когда Эви пересекала улицу, она вдруг остановилась посреди пешеходного перехода, повернулась к Коннору и задала в свою очередь один-единственный вопрос:

– И кого же я тебе напоминаю? Этот человек, он кто?

Коннор зажег новую сигарету. Колечки голубого дыма, повисшие в холодном воздухе, поднимались над его головой.

– Это я.

Его ответ удивил и в то же время обеспокоил ее. В последний раз взгляды их встретились, и Эви пошла своей дорогой. Коннор смотрел, как она уходит в ночь, нервно затягиваясь сигаретой.

Вскоре он потерял ее из виду, но еще долго стоял потрясенный, глядя на следы, оставленные на снегу ее ножками.

Конечно, он не мог спасти всех.

Но на что может надеяться в жизни пятнадцатилетняя девочка, одинокая, без средств к существованию, зимой, посреди ночи, на Манхэттене?

4. Дорога в ночи

Когда ты смотришься в зеркало и у тебя возникает желание разбить его, не зеркало надо разбивать, а измениться самому.

Неизвестный

Коннор припарковал машину на Брум-стрит и два квартала, оставшиеся до дома, прошел пешком. Сохо, как и весь город, тонул под ровным слоем снега, залепившим вывески арт-галерей, ресторанов и модных бутиков.

Он подошел к дому с литыми чугунными решетками. Недавно обновленный фасад здания был украшен сотнями лампочек, а на тротуаре незаконченный снеговик, почти потеряв надежду, ждал свою морковку, шляпу и трубку.

– На, дружище, возьми хоть это, – сказал Коннор, завязывая вокруг его шеи свой шарф.

В холле он просмотрел почту, а затем вызвал лифт. Кабина остановилась на последнем этаже, где находилась его квартира, просторное жилище в спартанском стиле. Ни запаха пирогов, ни отдающего дымком аромата индейки, томящейся в духовке несколько часов, ни елки, ни детской комнаты – ничего этого не было в его доме. Ни тепла, ни жизни. Коннор купил эту квартиру пять лет назад, она стала олицетворением его социального успеха, но никогда по-настоящему он не обставлял и не украшал ее. Слишком много работы, слишком много сложностей… А главное – не с кем разделить радость домашнего уюта.

Посвятив свою жизнь погружению в чужие души, сам для себя он был чем-то непонятным и таинственным. Он любил женщин, но до сего времени все его любовные приключения заканчивались ничем. И даже тогда, когда все шло хорошо, рано или поздно наступал такой момент, когда любовница начинала упрекать его в непроницаемости. Как мог он признаться, что ему не удается найти в любовной связи ту степень близости, которая связывает его с пациентами?

Коннор подавил зевок и открыл холодильник, где стояла наполовину опустошенная бутылка шардоне. Прежде чем вернуться в гостиную, он плеснул себе в стакан. В квартире было холодно, и он одним махом выпил вино и не устоял перед желанием налить еще.

Этим вечером он почувствовал, что изнутри на поверхность опять всплывает некая саморазрушающая сила. Коннор всю жизнь сражался с ней и знал, что эта борьба требует постоянного контроля.

Он развязал галстук, сделал несколько шагов к оконному проему и свалился на диван. В его сознании постоянно вертелся образ странной девочки Эви, которая хотела украсть его сумку. Он опять вспомнил отчаяние, которое прочитал в ее взгляде. И опять пожалел, что ничего не смог сделать для нее. Ее вызывающие тревогу слова все еще звенели в его голове, доводя до мигрени: «я хочу убить человека», «чтобы отомстить».

– Не делай эту глупость, – прошептал он, как будто Эви могла услышать его. – Что бы тебе ни сделал тот тип. Не убивай его.

Именно в этот момент зазвонил телефон. Он помрачнел. Это, конечно, Николь. Из-за всей этой истории он забыл перезвонить ей.

Он ответил.

Но это была не она.

Он услышал голос молодой женщины, искаженный страхом. Она винила себя в том, что кого-то убила.

5. Свет

Выйти к рассвету можно только пройдя по тропе ночи.

Халиль Джебран[26 - Халиль Джебран – американский философ ливанского происхождения, художник, поэт и писатель (1883–1931). Самый читаемый арабский писатель как на Западе, так и на Востоке. Его знаменитое произведение «Пророк» переведено на 100 языков.]

Прошло три месяца…

Наступает конец зимы, начинается весна.

Бледно-розовая заря поднимается над Ист-Ривер[27 - Ист-Ривер – рукав р. Гудзон, отделяющий Манхэттен от Бронкса, являющийся судоходным проливом. Длина 26 метров.], предвещая солнечный день.

Неподалеку от реки возвышается церковь Божьей Матери, маленькая испанская молельня, зажатая между складом и неказистым зданием. В этом доме находится центр временного приюта бездомных. Все устроено здесь с допотопных времен, плитка ободрана, канализация работает плохо… но, тем не менее, место пользуется хорошей репутацией среди тех, кто живет на улице. Бомжи знают, что здесь, в отличие от официальных заведений, им не станут задавать вопросы, а просто дадут пищу и чистую одежду.

В спальне, расположенной в подвале, с десяток бомжей еще досыпают на походных кроватях, а в общем зале нижнего этажа первые проснувшиеся уже

сидят за скудным завтраком. Это диккенсовский «Двор Чудес» XXI века: сидя за столом, молодая, но уже беззубая женщина лакает кофе из чашки, как кошка; рядом с ней здоровяк русский с ампутированной рукой неловко крошит сухарь, запасаясь впрок; возле окна старый костлявый негр, равнодушный к пище, сворачивается в спальном мешке и все бубнит и бубнит свои навязчивые причитания…

Внезапно открывается дверь, и входит человек с густой бородой, одетый в черное пальто. Он здесь не ночует, но он – завсегдатай этого места и с некоторых пор часто приходит сюда, чтобы зарядить телефон в зале приюта.

Погруженный в себя, равнодушный ко всему окружающему, Марк Хэтэуэй протащился в угол комнаты и, прежде чем свалиться около розетки, успел присоединить к ней свой хромированный аппарат.

Марк ни разу не видел жену с того самого Рождества. Теперь он походил неизвестно на кого. Волосы торчат в разные стороны, как у безумного, потухший взгляд, на лице – слой грязи. Он давно покинул мир живых, чтобы жить в постоянном мраке – на последней ступени перед падением.

У вас новое сообщение.

Металлический голос в трубке ничто не пробуждает в нем, как вдруг…

– Марк? Это я…

Этот голос, он узнает его. Это голос его жены. Хотя мозг его затуманен, он все же чувствует, что Николь рыдает.

– Перезвони мне, это срочно.

Короткая пауза, затем:

– Мне нужно кое-что тебе сказать…

В этот момент Марк уверен, что Николь собиралась объявить ему, что найден труп Лейлы. Перед ним предстает душераздирающее видение: людоед, зверь,

маленькая девочка, вопящая в ночи, но…

– А ведь ты был…

Он уже больше не мог дышать. Сердце стучало у него в висках.

– …А ведь ты был прав, – вновь проговаривает Николь.

Опять молчание. На этот раз он ничему больше не верит, он больше ничего не понимает. Затем:

– Они ее нашли…

Он закрывает глаза, находит в себе силы пролепетать молитву, адресованную сам не знает кому.

– Она жива, Марк.

Горячая волна проходит по всему его телу и пригвождает его.

И теперь плачет он.

– Лейла жива.

6. Она жива

Любить – это взять на себя заботу об одиночестве другого, не имея возможности ни заполнить, ни познать его.

Кристиан Бобен[28 - Кристиан Бобен – французский писатель. Один из самых модных и популярных романистов Западной Европы. Его книга «Всеменьший» о Франциске Ассизском удостоена премии «Де Маро» и Большой премии за католическую литературу.]

Марк даже не стал прослушивать послание еще раз. Лейла жива! Минутой ранее он принадлежал к отряду мертвецов, но теперь чувствовал, что родился заново, новость, которую он только что услышал, придала ему новые силы.

Он покинул приют и побежал, задыхаясь, вдоль Стэнтон-стрит к Маленькой Италии[29 - Маленькая Италия – район Южного Манхэттена в Нью-Йорке. Традиционное место проживания американцев итальянского происхождения (Italian-Americans). Летом эта часть города превращается в одно большое кафе на открытом воздухе. По аналогии так называют итальянские кварталы и в других городах.]. Несколько раз он пытался поймать такси, но никто не хотел его везти. Да и все равно у него не было денег. Люди – сволочи! Ну, им хуже: он поедет до Бруклина на метро зайцем.

В поезде Марк повалился на сиденье, чтобы перевести дух. Он не мог больше дышать, перед глазами стоял туман, но сдаваться было нельзя. Только не сейчас. Он должен был успокоиться и взять себя в руки. И неважно, что у него разламывалась голова, а сердце билось 160 ударов в минуту.

Встряхнись. Ты должен стать прежним. Сделай это для Лейлы. Она жива. Ты всегда это знал. Ты не совсем понимаешь – почему, но ты знал это всегда.

Он закрыл глаза и попытался привести мысли в порядок.

Из-за этого ты противился желанию покончить со всем. Чтобы быть там, когда ее найдут. Сейчас ты должен помочь ей. Ты должен быть сильным – ради нее.

Он долгое время сидел вот так, открывая глаза только затем, чтобы узнать название станции, когда поезд подходил к ней.

Внезапно среди полной беспорядочности мыслей, царящей в его голове, что-то промелькнуло. Скорее это была интуиция, нежели умозаключение.

Какого числа? Вспомни, когда?!

На одном из сидений перед ним лежал утренний номер «Нью-Йорк пост». Он схватил газету, лихорадочно пробежал по ней глазами, ища сегодняшнее число: суббота 24 марта 2007 года. Телефонное послание Николь было вчера вечером.

Так, значит, Лейлу нашли вчера.

23 марта 2007 года!

Сама по себе эта дата ничего особого не представляла, но в его сердце и сознании она была выжжена каленым железом.

Было 23 марта 2002 года, когда исчезла Лейла.

Ровно пять лет назад.

День в день.

* * *

Марк приехал на маленькую спокойную улицу Бруклина, приютившую дом, который раньше был его домашним очагом. На тротуаре он заметил полицейскую машину, припаркованную в неположенном месте.

Одним махом он взлетел по ступенькам крыльца, забарабанил в дверь, даже не думая звонить.

В приоткрытой двери появилось лицо Николь. В ее взгляде было все: страдание и искренняя сильная любовь… Их объятие прервал агент ФБР, стоявший позади Николь.

– Здравствуйте, доктор Хэтэуэй, – сказал полицейский, показывая свое удостоверение. – Фрэнк Маршалл, отделение ФБР Калифорнии, я думаю, вы помните меня.

Марк повернулся к нему. Николь, должно быть, ввела его в курс дела, так как человек, казалось, нисколько не удивился, увидев перед собой бродягу. Выглядел он солидно – а-ля Эд Харрис[30 - Эд Харрис – американский актер, родился в 1950 г. Роль в картине Джеймса Кэмерона «Бездна» принесла ему мировую известность.]: приземистый, с короткой стрижкой и рассеянно-благодушным видом. Это он вел расследование о похищении Лейлы.

– Где она? – одними губами спросил Марк. – Где Лейла?

Николь хотела ответить, но Маршалл опередил ее.

– Не нужно торопиться, доктор Хэтэуэй, – предупредил он, направляясь к ноутбуку, установленному на столе в гостиной. – Пока мы не совсем уверены, что речь идет о вашей дочери. Сейчас проводится анализ ДНК, который даст нам окончательный ответ.

Маршалл нажал на кнопку, и на экране появилось лицо девочки.

– Эту фотографию сделали вчера вечером, через несколько часов после ее появления.

Марк склонился над экраном.

– Это Лейла! – заявил он без колебаний. – Это наша дочь.

– Я так и думал, – ответил Маршалл.

– Я хочу ее видеть!

– Она не в Нью-Йорке, доктор.

Марк двинулся на Маршалла:

– Где она?

– В Лос-Анджелесе, в медицинском центре, в больнице Сент-Фрэнсис Мемориэл Хоспитэл.

– Как… как она?

– Пока сказать еще трудно. Врачи проводят всевозможные исследования. Еще рано, чтобы…

– Ее избили, изнасиловали?

– По правде сказать, мы ничего не знаем.

Марк взорвался:

– Как это вы ничего не знаете?

Он почти вплотную подошел к полицейскому и угрожающе посмотрел на него.

– Успокойтесь, – посоветовал ему Маршалл, отступая. – Я все вам расскажу, как и вашей жене.

Николь позвала их в кухню и приготовила кофе. Мужчины сели рядом за стол, и Маршалл вытащил из кармана блокнот, как будто хотел быть уверенным, что ничего не забудет.

– Маленькая девочка, лет десяти, была обнаружена вчера после полудня, точнее, около 17 часов. Она бродила по торговым рядам галереи Сан-Шайн-Плаза округа Ориндж в Лос-Анджелесе.

Марк обхватил руками голову. Маршалл продолжал:

– Ее возраст, сходство, родимое пятно, шрам на подбородке – все дает нам повод предположить, что речь идет о вашей дочери.

– Это торговый центр, где…

– …она исчезла ровно пять лет назад, день в день, – закончил его фразу Маршалл.

Выражение недоверия промелькнуло на лице Марка.

В то же время, в том же месте, с промежутком в пять лет…

– И это, конечно, нельзя назвать случайностью, я согласен с вами.

– А Лейла, что она вам сказала?

– В этом все и дело, доктор Хэтэуэй, ваша дочь нам ничего не сказала.

Марк нахмурился.

– Со вчерашнего вечера она не сказала ни одного слова, – пояснил Фрэнк, – ни нам, ни медперсоналу, который за ней ухаживает.

– Полное расстройство речи?

Марк уже размышлял как врач. Неоднократно за годы своей практики он оказывал помощь детям, страдающим мутизмом[31 - Мутизм – расстройство речи.], обусловленным психологическими факторами.

– С меня достаточно! – отрубил он, вскочив. – Я еду в Лос-Анджелес к Лейле.

– Мы вам забронировали места на сегодня и завтра, – объявил Фрэнк, поднимаясь в свою очередь. – Позвоните мне, когда будете готовы. Одна из наших машин отвезет вас в аэропорт.

– Мы готовы, – отрезал Марк. – Зачем ждать.

В комнате внезапно повисло напряженное молчание, затем Николь крикнула:

– Нет!

Марк, ничего не понимая, повернулся к жене.

Вместо ответа Николь указала пальцем в направлении стеклянной перегородки. Марк посмотрел в стекло и увидел себя, словно в зеркале. На него смотрел некто худой и грязный, с длинными сальными волосами, всклокоченной бородой и опухшей физиономией, с налитыми кровью глазами. И этот некто вызывал страх.

– Я надеюсь, ты не хочешь, чтобы она увидела тебя в таком обличье?

Устыдившись, он кивнул в знак согласия.

* * *

– Слава богу, что не все мои клиенты такие, как вы! – пробурчал Джо Кэллэхен, один из последних сохранившихся в Бруклине старых добрых цирюльников. – Стричься раз в два года! Это неразумно, доктор Хэтэуэй! Я уж не говорю о бороде!

Понадобился целый час усилий старого парикмахера, чтобы довести дело до конца. Приверженец хорошо сделанной работы, мастер поднес овальное зеркало к затылку врача, чтобы тот смог оценить новую прическу.

– В следующий раз не буду так тянуть, – пообещал Марк.

С коротко стриженными волосами, свежевыбритый, он с трудом узнал свое лицо.

После парикмахера Марк сделал короткий заход в шикарный бутик на Парк-Слоуп, который посещал, будучи молодым, полным надежд и жажды успеха. Полотняные брюки, элегантный пиджак, рубашка поло из последней коллекции, украшенная посеребренным крокодильчиком… Что поделаешь, судят по одежке… Несколько часов назад он был жалким существом, валявшимся в пыльном приюте. Однако несколько косметических процедур, стрижка, бритье, другая одежда – и вот он снова способен произвести впечатление благополучного человека.

Он добрался до дома пешком, машины полицейского уже там не было.

Ну, и к лучшему.

Марк позвонил, как вдруг вспомнил, что Николь вернула ему ключи. Он открыл дверь и прошел по коридору. Окна были открыты. Гостиная утопала в весеннем свете. Пахло бергамотом[32 - Бергамот – гибридный вид растений семейства рутовых, получен путем скрещивания померанца и цитрона.] и флердоранжем[33 - Флердоранж – белые цветы померанцевого дерева, принадлежность свадебного убора невесты.]. Музыка в исполнении Кита Джаррета[34 - Кит Джаррет – американский джазовый пианист, саксофонист и

композитор, родился в 1945 г. В три года начал учиться музыке, в семь лет дал первый сольный концерт. Его импровизациям нет аналогов в мировом музыкальном искусстве.] заливала комнату дождем кристально чистых нот, воспроизведенных высокоточной аппаратурой. Кельнский концерт – апофеоз Джаррета. Это была, и навсегда останется ею, самая красивая джазовая импровизация. Она нравилась даже тем, кто не любил джаз. Марка охватило волнение. Этот диск имел для него особое эмоциональное значение: Николь подарила его ему, когда началась их история любви.

– Николь? – позвал Марк.

Никто не ответил. Она, наверное, наверху.

Он стрелой взлетел по лестнице.

– Николь?

Открыл дверь ванной. Никого.

Марк остановился на пороге их комнаты. К двери кнопкой была прикреплена почтовая открытка с изображением двух переплетенных тел, парящих в воздушном покрывале. Он тотчас же узнал «Вальс», скульптуру Камиллы Клодель[35 - Камилла Клодель – французский скульптор и художник-график (1864–1943). С 1884 г. работала в мастерской Родена и была его моделью, источником вдохновения, ученицей и любовницей.], которой они восхищались в музее Родена во время своего первого путешествия в Париж.

Музыка Джаретта, страстные объятия Камиллы Клодель. Две мадленки[36 - Мадленки – сорт печенья.], оставленные Николь, уводили его в далекое прошлое.

Но где же его жена?

Озадаченный, он снял почтовую открытку и на обратной стороне увидел несколько слов, написанных в спешке.

Марк, любовь моя.

За меня не беспокойся. Со мной все хорошо, но я не могу сейчас поехать в Лос-Анджелес.

Больше всего на свете мне хотелось бы вновь быть с тобой и нашей маленькой дочкой.

Но это невозможно.

Это путешествие ты должен совершить один.

Прости, но я не могу рассказать тебе все.

Потом ты поймешь.

Что бы ни произошло впоследствии, знай, что я любила и буду любить тебя всегда.

Николь

7. Made in Heaven[37 - «Made in Heaven» – последний альбом рок-группы «Qween», выпущенный 6 ноября 1995 г.]

Я боялась, но пришел он, и мне стало не так страшно…

Эмили Дикинсон

12 часов спустя

Лос-Анджелес

Сент-Фрэнсис Мемориэл Хоспитэл

А лифт все поднимался и поднимался. Втиснутые внутрь кабины Марк Хэтэуэй и Фрэнк Маршалл злобно смотрели друг на друга. Не дожидаясь прибытия на место, агент ФБР решился задать вопрос, который не давал ему покоя:

– Вам не кажется странным, что ваша жена не поехала с нами?

Марк молчал, у Фрэнка появилось неприятное впечатление, будто он говорит в пустоту.

– И все же, – вновь заговорил Фрэнк, – ее дочь, которую она считала погибшей, вновь появляется, а…

– Что вы хотите сказать? – раздраженно прервал его Марк.

Фрэнк, казалось, слегка заколебался, но все же сказал:

– Если вы знаете что-либо, что неизвестно нам относительно вашей супруги, если у вас есть подозрения, нужно нам об этом сообщить.

Марк продолжал игнорировать его, демонстративно повернувшись к нему спиной. Он должен пока что забыть это странное послание, оставленное Николь, потому что он не знает, что оно означает.

Сейчас он должен думать только о своей дочери, которую вскоре обретет вновь. Ничто другое не должно отвлекать его, ничто другое не имеет значения.

– И еще, – добавил Фрэнк, – в интересах следствия ФБР не хочет раскрывать факт появления вашей дочери. В прессу мы информацию не дадим и хотим, чтобы журналисты были пока не в курсе.

– Почему?

– У нас свои причины, – ответил уклончиво полицейский.

Марк набросился на него:

– …о которых вы мне, безусловно, не расскажете! Вечно эта ваша мания секретности! Ну, с меня хватит, вы ничего больше не будете навязывать мне!

Обескураженный, Фрэнк нажал на кнопку срочной остановки лифта, заблокировав кабину между этажами, чтобы прояснить ситуацию.

– Пока мы не пришли с вами к полному согласию, Хэтэуэй, я не позволю вам взять Лейлу в Нью-Йорк. Это произойдет только при соблюдении вами некоторых условий.

– Идите к черту. Запустите лифт.

– Я требую, чтобы ваша дочь находилась под постоянным наблюдением психолога ФБР. И как только она заговорит, допрашивать ее будем мы.

Марк не выдержал. В мгновение ока он схватил фэбээровца за ворот пиджака и прижал к зеркалу лифта с такой неожиданной силой, что кабина закачалась.

– Психолог – это я, вам понятно? Моя дочь ни с кем другим общаться не будет. Я специалист по таким случаям – и лучший в своем деле!

Фрэнк не сопротивлялся, только заметил:

– Вы, возможно, когда-то и были лучшим, но в настоящее время вы всего лишь агрессивный и импульсивный человек, два года проживший на улице. И это, по правде сказать, не те качества, которые могли бы успокоить ребенка в состоянии шока. Вы меня понимаете?

Марк еще сильнее придавил агента к стене:

– Вы были даже не способны найти Лейлу! И то, что она нашлась, – не ваша заслуга. А сейчас оставьте меня в покое. Я все беру на себя. Дело закрыто.

Марк разжал руки и нажал кнопку лифта.

Фрэнк поправил воротник и уточнил безразличным тоном:

– Дело не будет закрыто до тех пор, пока не будет арестован похититель вашей дочери.

* * *

Двери лифта открываются, и взору предстает длинный коридор со стеклянными, видавшими виды перегородками. Наступила ночь, и огни над Городом ангелов простираются до бесконечности.

Марк старается следовать полученным указаниям. Палата Лейлы расположена в конце коридора. В сорока метрах впереди себя он замечает дверь.

Палата 406.

Сорок метров.

Больница шумит как улей, по коридорам снуют врачи, медсестры, но Марк ничего не слышит. Укрывшись в оболочке молчания, он движется в замедленном темпе, словно перед прыжком, задерживая дыхание. Его раздирают нетерпение и опасение. Чтобы успокоиться, он твердит себе, что готов ко всему: дочь может не узнать его, поведет себя агрессивно, может быть, она не будет способна заговорить с ним, а может быть…

Тридцать метров.

Время растягивается до бесконечности. Почему он так боится? Ведь он оказался прав! В течение пяти лет, вопреки всему и всем, он изо всех сил отгонял от себя мысль о том, что Лейла мертва. Приходилось сопротивляться скорее головой, нежели кулаками. Этот урок он и Коннор усвоили еще в тяжелые годы детства, проведенные в квартале Чикаго, пользующемся дурной славой. Именно эти убеждение и умение и привели их к выбору профессии. Когда боль становится слишком острой, когда нет больше сил сопротивляться – сосредоточь все свои умственные способности и держись! Всегда наступает момент, когда враг устает наносить удары. Всегда наступает момент, когда наконец появляется свет в конце туннеля.

Двадцать метров.

Он приближается и все сильнее чувствует, как в нем сгущается все пережитое за последние годы. Это много – пять лет тонуть в пучине боли, знать, что твоя дочь страдает и что ничего нельзя для нее сделать! Это тяжело, когда единственное твое предназначение – испытывать страдание, пытаясь хоть как-то разделить его с ней.

Десять метров.

Еще несколько шагов, и кошмар закончится.

Пока ему трудно в это поверить.

Он не успел дойти до двери, как вдруг она начинает потихоньку приоткрываться.

Вначале он различает только ореол вьющихся волос, витающий над розовой, слишком просторной пижамой. Потом видит девочку в сопровождении медсестры, и та поднимает голову, чтобы взглянуть на него.

Это она. Выросла, конечно. И все же Лейла кажется ему такой маленькой, такой хрупкой…

Он чувствует, что его сердце вот-вот разорвется, но, стараясь не напугать ее, Марк сдерживает порыв броситься навстречу и только слегка машет ей рукой.

Он весь дрожит.

Не уходи, Лейла, не уходи!

Девочка застывает на месте. И тогда Марк осмеливается встретиться с ней взглядом.

Тысяча восемьсот двадцать восемь дней прошло с тех пор, как она пропала.

Он приготовился к встрече с ребенком, одичавшим и растерянным, но ни ужаса, ни страдания не увидел в ее глазах. Напротив, она кажется спокойной и

уравновешенной. И вот… на лице ее мелькает тень улыбки, она отпускает руку медсестры и бежит к нему. Тогда Марк присаживается, чтобы быть с ней одного роста, и берет ребенка на руки.

– Все в порядке, дорогая, – говорит он, приподнимая ее.

Он прижимает ее к себе, и бесконечное блаженство охватывает его. Это ощущение намного сильнее того, которое он испытал при ее рождении.

– Все закончилось, – шепчет он ей на ухо. – Все закончилось.

Чтобы показать, что это действительно так, он шарит в своей сумке и достает маленького плюшевого зайца, которого он догадался привезти из Нью-Йорка.

– Я принес твоего белого зайчика. Помнишь его? Ты никогда не засыпала без Господина Зайца.

Девочка берет плюшевую игрушку и прижимает ее к сердцу.

– Теперь все, девочка моя, – повторяет Марк, будто убеждая самого себя. – Все закончилось. Мы возвращаемся домой.

8. Аэропорт

Рыдать от невозможности мечты,

Открыть дорогу боли и любви,

Сгорать от лихорадки суеты,

Бежать от одиночества в крови[38 - Перевод Н. Лясковской.].

Жак Брель

Сегодня 25 марта 2007 года – 8 часов утра

Международный аэропорт Лос-Анджелеса

Марк

Такси остановилось перед терминалом 2, но Марк не торопился выходить. По дороге в аэропорт Лейла заснула у него на плече, и он не хотел будить ее. Покинув больницу, они провели ночь в гостинице деловой части города. Девочка продолжала молчать, но казалась спокойной и счастливой, потому что вновь была с папой.

– Ты заговоришь, – пообещал он маленькой спящей девочке.

Марк был в этом уверен. Нужно только, чтобы она ощутила себя дома, в кругу близких. И он готов был сделать все, чтобы Лейла вновь почувствовала доверие к людям.

Сквозь дымчатые стекла автобуса он с тревогой наблюдал за суетой, царившей даже на подступах к аэропорту. Он ненавидел Лос-Анджелес, его грязь, его облик и его неукротимый нрав. Его не покидало впечатление, что этот гигантский город поглощает все на своем пути: и природу, и людей.

В защитном коконе машины Марк еще несколько секунд чувствовал себя в безопасности, убаюканный чистыми интонациями скрипичного концерта, отрывок из которого звучал по радио.

Эта музыка… я ее знаю.

– Эта прекрасная композиция – что это?

– Чакона Баха, – ответил водитель-меломан, протягивая ему коробку компакт-диска.

Марк всмотрелся: фотография с претензией на гламур: полураздетая скрипачка стояла, прислонив лицо к зеркалу, – в нем она отражалась в виде двухголового существа, сексуального и одновременно вызывающего беспокойство. На желтой этикетке престижного ярлыка стояло имя исполнительницы и программа сольного концерта:

Николь Хэтэуэй исполняет Баха

Партиты для скрипки соло

Едва Марк успел почувствовать волнение, Лейла открыла глаза. Она смотрела на своего отца и улыбалась, затем зевнула.

– Ты наденешь курточку, – предложил Марк, – сейчас полетим на самолете.

Девочка послушалась, и они вышли из такси, направившись в аэропорт.

В зале отлетов напряжение достигло предела.

Неделю назад раскрытие нового террористического заговора в Объединенном Королевстве посеяло панику с обеих сторон Атлантики и повлекло за собой целый ряд ложных тревог. Уровень антитеррористической безопасности был повышен с «критического» до «высокого». Каждый день отменялось множество рейсов. Марк удостоверился, что к ним это отношения не имело, и поторопился к указанной стойке.

Он знал, что усиленный осмотр пассажиров и багажа сильно продлевают время посадки, а ему хотелось поскорее избавиться от этой формальности.

Посреди толпы он крепко держал за руку Лейлу, как будто опасался потерять ее вновь.

– Доктор Хэтэуэй! Доктор Хэтэуэй!

Марк обернулся, удивляясь, что его зовут по имени.

Позади него, в нескольких метрах, бежал человек, которого он никогда раньше не видел.

– Микаэль Филипс, я работаю в «Геральд»[39 - Имеется в виду «International Herald Tribune» – многотиражная международная газета на английском языке. Продается в 180 странах.], – представился он.

Марк нахмурился.

– Я хотел бы услышать несколько слов от вашей дочери, – объявил репортер, доставая из кармана магнитофон.

– Нам нечего сказать, – решил Марк, прижимая Лейлу к себе и ускоряя шаг.

Но тот опередил его, стараясь быть убедительным:

– Мы вам предлагаем контракт: семьдесят пять тысяч долларов за интервью и фотосъемку.

– Идите куда подальше! – прогремел Марк.

Повернувшись, он увидел, что журналист достал из кармана мобильный телефон и готов сделать снимки без его согласия.

Стараясь защитить Лейлу, он схватил Филипса за горло и сжимал его до тех пор, пока репортер не выронил свой аппарат.

Телефон упал на пол, и Марк методично каблуком ботинка раздавил его.

– Вы мне за это заплатите! – с угрозой сказал журналист, массируя шею.

Марк смотрел на него в течение нескольких секунд, удивленный своей импульсивностью и быстротой, с которой произошла эта стычка.

Направляясь в зону регистрации, он услышал, как Филипс предостерегал его вслед:

– Вы в полном дерьме, Хэтэуэй, и даже не отдаете себе в этом отчет. Я провел расследование, у меня есть информация, которую я мог бы вам передать. Вы не знаете правды! Ни о вашей дочери, ни о вашей жене!

* * *

Эви

Электричка, совершающая челночные рейсы до Юнион-стэйшн, высадила пассажиров перед терминалом 2. Среди них была пятнадцатилетняя девочка не совсем обычного вида. Эви вышла последней. Так толком и не проснувшись, она устремилась в зал вылетов, где, сощурив глаза, стала изучать электронные табло, пытаясь уточнить время своего рейса. Прошлую ночь она провела на скамейке, все тело ныло. Живот бурчал, суставы трещали, а кости казались такими хрупкими, что вот-вот рассыплются. Она с завистью взглянула на стойку «Старбакс», где продавались кофе и булочки, но у нее в кармане не было ни доллара. Голодная, она тайком вытащила пакетик с остатками апельсинового сока и кусочки булочки из мусорного бака при кафе.

Через несколько часов она будет в Нью-Йорке. Досадные обстоятельства, заставившие ее отправиться в Лос-Анджелес, уже позади, и теперь она была в состоянии добраться до человека, которого преследовала. У нее был его адрес. Он жил на севере Манхэттена. Как только она найдет его – сразу убьет.

Она его убьет.

Она его убьет.

И, может быть, тогда боль станет не такой сильной.

Элисон

Громоздкий внедорожник с грубыми очертаниями и дерзкими выступами ходовой части с трудом припарковался на третьем уровне подземной стоянки терминала 2. Нутро «Порше Кайенн» распирало от включенных на полную мощь

сабвуферов, выдававших смесь нудного рэпа и ритм-н-блюза. В машине сидела молодая женщина 26 лет – Элисон Харрисон: короткие волосы цвета платины, джинсы в обтяжку с ремнем-лассо, куртка из дутой кожи.

Элисон выключила двигатель и рухнула на руль. Ее всю трясло. Она должна была успокоиться, если хотела, чтобы ей дали уехать. А для этого у нее не так уж много возможностей. Она порылась в сумочке от «Гермес» и вытащила маленькую пудреницу из слоновой кости, вдохнула две дорожки кокаина, затем потерла десны небольшим количеством белого порошка. Это был ее единственный способ не пасть духом. Без кокаина Элисон чувствовала себя жалкой, неспособной сопротивляться. В последние годы она уже не контролировала, сколько потребляла, однако белый порошок все еще оказывал на нее свое благотворное действие.

Менее чем за минуту она вновь обрела подобие уверенности, почувствовала себя сильной и способной управлять ситуацией. Вскоре это приятное чувство перерастет в высокомерие и повышенную чувствительность. А пока нужно только, чтобы у нее хватило сил перенести свой зад в самолет и вернуться в Нью-Йорк.

Она сняла прозрачные контактные линзы и заменила их цветными: одна розовая, а для другого глаза – голубая. Взглянув в зеркальце заднего вида, она поправила челку, закрепив ее заколкой-бабочкой. В таком виде она и вышла из автомобиля, шатаясь на высоких каблуках, толкая впереди себя дорожную сумку на колесиках.

Когда мелькнула вспышка папарацци, Элисон увидела свое отражение в ветровом стекле автобуса, стоявшего на остановке. Стекло было жестоким, но справедливым по отношению к ней – в нем отразилась накачанная кокаином баба стоимостью в миллиард долларов.

* * *

Вот они там, все трое, в нескольких метрах друг от друга, в зале аэропорта, который стал теперь для них маленькой театральной сценой.

Марк

Эви

Элисон

Они не знакомы, они никогда не разговаривали друг с другом, но у них уже есть нечто общее.

Все трое стоят на повороте судьбы,

на пределе,

на грани перелома.

Все трое с тяжелым прошлым.

Жизнь всех троих перевернута разлукой или смертью.

Все трое чувствуют себя и жертвами, и виновными.

Но через несколько минут они сядут в один самолет.

И их жизнь изменится.

* * *

– Сначала иду я, а ты за мной, хорошо, Лейла?

Для прохода через контрольное устройство Марк снял куртку, ремень и положил их на движущуюся ленту.

Никакого сигнала.

– А теперь ты! – обратился он к дочери, собирая свои вещи.

Девочка спокойно присоединилась к отцу, но когда она проходила рамку, включилась тревога системы безопасности.

– Опустошите карманы и снимите обувь!

«Черт бы тебя побрал, мог бы быть и полюбезней, приятель», – подумал Марк, расстреливая взглядом охранника.

Атмосфера в аэропорту была наэлектризована. Напряжение усиливалось присутствием многочисленных военных, призванных участвовать в обысках и контроле безопасности.

Марк стал на колени перед дочерью, помогая ей снять обувь, осмотрел ее карманы, но они были пусты.

– Все в порядке, милая.

В носочках Лейла прошла под аркой, и опять раздался сигнал тревоги. Странно, ведь на ней были только джинсы, футболка и куртка.

Марк помрачнел:

– Она неисправна, ваша машина.

Не потрудившись ответить ему, служащий безопасности подошел к девочке.

– Повернитесь и поднимите руки!

Лейла повиновалась, и тогда другой охранник провел по ее телу детектором.

Аппарат вдруг обезумел, приблизившись к затылку ребенка.

– И что это значит? – занервничал Марк.

Охранник не смог ему ответить. Он возобновил маневр – с тем же успехом. Удивленный сотрудник аэропорта позвал на помощь коллегу, чтобы заменить детектор. Но и новый аппарат не помог прояснить ситуацию: все наводило на мысль, что под кожей у Лейлы было имплантировано что-то металлическое!

Изумленный охранник нацепил пальцем наушник и поднял глаза к камере наблюдения, обратившись к невидимому собеседнику:

– Мадам, у нас проблема…

Марка с дочерью отвели в обшарпанную контору, оборудованную под комнату допросов. Перед ними стояла сурового вида латиноамериканка в брючном костюме, изображавшая из себя Кондолизу Райс. Она изучала их паспорта.

– Объясните мне одну вещь, мистер Хэтэуэй: ваша дочь перенесла недавно хирургическое вмешательство?

– Я… я не знаю, – признался Марк.

– Может быть, ей что-то вставили в затылочную область: чип или какой-нибудь имплант?

– Я не знаю.

Начальник отдела безопасности бросила на него презрительный взгляд:

– Как это вы не знаете? Это ваша дочь или нет?

– Это долгая история, – сказал он устало.

«Кондолиза» повернулась к Лейле:

– У тебя болит голова, сзади?

Девочка выдержала ее взгляд не дрогнув и по-прежнему не проронила ни слова.

– Ты что, разучилась говорить?

Измученный Марк поднялся со стула.

– Мы уходим! – решил он, беря за руку дочь. – Тем хуже для самолета, мы арендуем машину.

– Вы не выйдете отсюда, – заверила их собеседница, указывая на военного, стоящего на страже у входа в контору.

– А это мы еще посмотрим! – взорвался Марк. – Верните мне паспорт! Я ни в чем не виноват.

Дискуссия принимала серьезный оборот, но в это время зазвонил телефон.

– Да? – произнесла «Кондолиза», наклонившись к громкоговорителю.

– Это ФБР, мадам, – сообщила ей секретарша, – агент Фрэнк Маршалл.

– Пусть перезвонит.

– Он говорит, это срочно.

– Ну ладно, – решила начальница, выключая усилитель.

Марк сел на стул, удивленный вмешательством Фрэнка. Он спрашивал себя, чем все это может закончиться. Беседа «Кондолизы» с агентом ФБР была краткой, состоящей из двух «да» и одного «хорошо, сэр», произнесенных мулаткой.

Недовольная, она подняла глаза на Марка и примирительно сказала, протягивая ему паспорт:

– Все в порядке, мистер Хэтэуэй. Извините за причиненные неудобства. Желаю вам приятного полета. И вашей дочери также.

* * *

Выведенный из себя этой унизительной проверкой, Марк решил, что им в качестве компенсации полагается хороший завтрак. Вдоль стойки «Бон-кафе» расположилась целая вереница закусочных, организованных здесь неким французом. Марк взял два плотно заставленных едой подноса и устроился с Лейлой за маленьким столиком, рядом с неведомым зеленым растением. Он с удовольствием отметил, что у дочери хороший аппетит – она за обе щеки уплетала круассан, как парижанка, запивая его апельсиновым соком. Сам он проглотил только чашку кофе, рассеянно пробегая взглядом по «USA Today», экземпляры которой лежали в открытом доступе.

* * *

Терминал светился мягким белым светом.

В то время как Марк и Лейла покидали свои места, позади, не замеченная ими, прошла девушка, села за их столик и забрала остатки апельсинового сока и нераспечатанный йогурт.

Эви тоже успела взглянуть на заголовок газеты. Статья с большой фотографией занимала половину первой страницы.

«САМОУБИЙСТВО МИЛЛИАРДЕРА РИЧАРДА ХАРРИСОНА

Основатель группы «Грин Кросс», один из мировых лидеров большого бизнеса, скончался вчера в Нью-Йорке в возрасте 72 лет. Его нашли на собственной яхте в луже крови. Он покончил с собой, выстрелив себе в голову из охотничьего ружья.

Согласно нашей информации, Ричард Харрисон отправил своим родственникам письмо, в котором объяснял свой поступок. Узнав два года назад, что у него болезнь Альцгеймера, он не смог вынести мысли, что болезнь доведет его до слабоумия.

Траурная церемония состоится завтра после полудня на Манхэттене.

Еще в 1966 году, в городке штата Небраска, Ричард Харрисон заложил первый камень своей империи – открыл маленькую бакалейную лавку, торгующую по низким ценам. Он быстро добился успеха и вскоре смог открыть другие торговые заведения, сначала в своем районе, а затем по всей стране. Магазинов «Грин Кросс» в США становилось все больше и больше. Сегодня количество крупных торговых площадей «Грин Кросс» перевалило за шестьсот.

Скрытный, с репутацией человека, ведущего скромный образ жизни, Ричард Харрисон прожил в одном и том же доме тридцать лет. Деньги, казалось, немногое изменили в повседневной жизни этого человека. Ему доставляло удовольствие играть роль «господина как все», никогда и никоим образом не выставляя напоказ свое богатство.

Но его единственная дочь Элисон не отличалась скромностью и аскетизмом, описания ее скандальных похождений не сходили со страниц бульварной прессы…»

Эви оторвалась от газеты, привлеченная криками, идущими от автоматических дверей.

Вплотную окруженная армадой фотографов, ослепленная вспышками папарацци, Элисон Харрисон входила в аэровокзал. Тонкая, как былинка, с лицом, наполовину скрытым очками-хамелеонами, она с трудом пробивалась сквозь окружающую, орущую ей в лицо толпу.

Вспышка-вспышка-вспышка

– Элисон! Посмотрите сюда, Элисон!

Вспышка-вспышка

– Как вы, Элисон? Держитесь?!

Вспышка

– В каких отношениях вы были с вашим ОТЦОМ? Похоже, что в ссоре. А НАРКОТИКИ, с ними все? Элисон!

Вспышка-вспышка

– Как вы ощущаете себя теперь, став наследницей МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ? Элисон! В вашей жизни кто-нибудь появился в данный момент?

Вспышка-вспышка

– Вы вернетесь в больницу? А наркотики, Элисон? Вы не ответили, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО С ЭТИМ ПОКОНЧЕНО?

Вспышка

Они хлестали ее вопросами, словно пощечинами.

Вначале, когда пресса начала интересоваться ею, Элисон это льстило. Одно время она думала, что сможет сохранить контроль и обратить перья СМИ себе на пользу. Она стала знаменитой. И тут ловушка захлопнулась. И теперь не проходило ни дня без того, чтобы фотограф либо просто любой тип с телефоном не пытались украсть частичку ее личной жизни.

Вспышка-вспышка

Элисон прикрыла лицо рукой, чтобы защититься от света. Воспоминания из прошлого вернулись со скоростью бумеранга.

Вспышка

…НАЗАД… В ПРОШЛОЕ…

9. Элисон

Воспоминание первое

Восемь лет назад

Наследница империи «Грин Кросс» провоцирует скандал на Таймс-сквер

(«Ассошиэйтед Пресс», 18 октября 1999 г.)

«Вчера вечером, когда Элисон Харрисон выходила из модного ресторана на Таймс-сквер, где только что отпраздновала свой 19-й день рождения, вокруг нее собралась толпа. Пьяная молодая женщина посреди улицы под насмешки и улюлюканье многочисленной публики изобразила некое подобие стриптиза.

С тех пор как она бросила учебу, чтобы полностью посвятить себя модным тусовкам и хождению по магазинам, дочь миллиардера Ричарда Харрисона регулярно привлекала к себе внимание экстравагантными выходками и поведением избалованного ребенка».

* * *

Капризы Элисон

(«Агентство Франс Пресс», 23 декабря 1999 г.)

«Будучи проездом в Париже, миллиардерша своим поведением шокировала персонал отеля «Георг V».

Опустошив магазины на Елисейских Полях, она окружила себя пышной свитой и забронировала отдельный номер только лишь для хранения своих покупок. По словам горничной, там было по крайней мере тридцать коробок с обувью – и все дорогих и известных марок!»

* * *

Стив и Элисон: это серьезно

(Онлайн, 14 января 2000 г.)

«Канал e-Muzic уже сообщал об этом на прошлой неделе, отныне это – официальная информация. Ударник рок-группы «6th Gear» и наследница империи «Грин Кросс» переживают настоящее любовное приключение. И это продолжается уже две недели. Стив Гленн, тридцати одного года, известен своими манерами «скверного мальчишки» и пристрастием к алкоголю. Стив и Элисон – взрывоопасный коктейль. Похоже, папарацци без работы не останутся».

* * *

Скандал в Куршевеле

(«Агентство Франс Пресс», 12 февраля 2000 г.)

«Наследница империи «Грин Кросс» не появилась на этой неделе на престижном курорте в Альпах, где она забронировала две трассы для личного пользования. Никто ее не видел. Очевидно, она напугана шумихой в прессе, развернутой по поводу ее чрезмерных запросов относительно условий проживания на курорте. «Здесь не любят нарушителей общепринятых норм», – отметил анонимный источник из муниципалитета».

* * *

Миллиардерша-клептоманка

(«Ассошиэйтед Пресс», 3 мая 2000 г.)

«Элисон Харрисон продолжает шокировать публику! Скандальная блондинка была задержана вчера во второй половине дня за кражу одежды на несколько тысяч долларов в шикарном бутике на Беверли-Хиллз. Ее отец уже заявил, что для защиты своей дочери прибегнет к помощи Джеффри Векслера, одного из ведущих адвокатов в стране».

* * *

Следствие по делу Элисон прекращено!

(«Ассошиэйтед Пресс», 8 июня 2000 г.)

* * *

Стив и Элисон: все кончено

(Онлайн, 18 декабря 2000 г.)

* * *

Элисон Харрисон обвиняется: она сбежала с места происшествия!

(«Дейли телеграф», 3 января 2001 г.)

«Быть миллиардершей не значит быть выше законов. Согласно информации интернет-сайта OMZ.com Элисон Харрисон сбежала с места дорожно-транспортного происшествия, которое, к счастью, обошлось без жертв. Это правонарушение могло бы остаться незамеченным, если бы случайный прохожий не отснял его на мобильный телефон. Вынужденная признать факты, Элисон вызвала адвоката Джеффри Векслера, чтобы достичь мирового соглашения с владельцем велосипеда».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Боб Дилан (1941) – американский автор-исполнитель песен, поэт, художник. По данным опроса журнала Rolling Stones, является второй (после The Beatles) по значимости фигурой в истории рок-музыки. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. перев.)

2

«Брайтлинг» – швейцарские наручные часы.

3

Авторитетный журнал «Natural Home» включил бруклинский Парк-Слоуп (Park Slope) в десятку лучших районов Соединенных Штатов.

4

Бруклин-Хайтс – самый европейский, престижный район Бруклина, с дорогими особняками, кафе и забавными магазинами.

5

Проспект-парк – большой общественный парк в Бруклине.

6

Бронкс – район Нью-Йорка.

7

Монтана – штат на северо-западе США.

8

ФАА – Федеральное авиационное агентство.

9

«Вэнити фэр» (Vanity Fair) – журнал, издается в Нью-Йорке с 1983 г. Тираж свыше 1 миллиона экземпляров.

10

Ориндж – один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии.

11

Пьер-Франсуа Герлен – парфюмер, в 1828 г. основал в Париже фабрику, которая стала производителем элитной парфюмерии. Парфюмерами «Guerlain» создано более 700 ароматов, некоторые из которых считаются шедеврами.

12

Бьорк (полное имя – Бьорк Гудмундсдоттир), родилась в 1965 г. в Рейкьявике (Исландия). Исландская певица, актриса, музыкант, композитор и автор песен, лауреат множества премий. Ее песни относят ко многим жанрам и стилям.

13

На русском языке книга выходила под названием «Девушка, которая играла с огнем».

14

Джакометти – швейцарский скульптор, живописец и график (1901–1966). Один из крупнейших мастеров XX в.

15

Роберт Риман – американский художник-авангардист, известен своей серией «Белая линия».

16

Коламбус-серкл – одна из самых известных площадей Манхэттена.

17

Шестая авеню – более распространенное название этого проспекта в Нью-Йорке, на Манхэттене. Официальное название – авеню Америк (Avenue of the Americas) – непопулярно среди местных жителей.

18

TriBeCa – жилая и деловая часть Южного Манхэттена в Нью-Йорке. Название происходит от Triangle Below Canal Street.

19

Стиль альтернативного рока.

20

Гринвич-виллидж – богемный район в Нью-Йорке, известен с XIX в. как колония художников.

21

Молескин – плотная прочная хлопчатобумажная ткань, обычно окрашенная в темные цвета. Из молескина шьют спецодежду, рабочие и спортивные костюмы, обувь и т. п.

22

Брюс Спрингстин – американский рок-певец, родился в Нью-Джерси в 1949 г. Мощью и притягательностью сценических выступлений напоминал молодого Боба Дилана.

23

Скарлетт Йохансон – американская актриса и певица, родилась в 1984 г. Наибольшую известность получила за роли в фильмах «Трудности перевода», «Девушка с жемчужной сережкой».

24

Эрик Клэптон – британский гитарист, родился в 1945 г. Командор Ордена Британской империи. Его стиль менялся, но он всегда держался блюзовых корней. Один из самых влиятельных музыкальных деятелей эры рока.

25

«Каббалисты круче всех».

26

Халиль Джебран – американский философ ливанского происхождения, художник, поэт и писатель (1883–1931). Самый читаемый арабский писатель как на Западе, так и на Востоке. Его знаменитое произведение «Пророк» переведено на 100 языков.

27

Ист-Ривер – рукав р. Гудзон, отделяющий Манхэттен от Бронкса, являющийся судоходным проливом. Длина 26 метров.

28

Кристиан Бобен – французский писатель. Один из самых модных и популярных романистов Западной Европы. Его книга «Всеменьший» о Франциске Ассизском

удостоена премии «Де Маро» и Большой премии за католическую литературу.

29

Маленькая Италия – район Южного Манхэттена в Нью-Йорке. Традиционное место проживания американцев итальянского происхождения (Italian-Americans). Летом эта часть города превращается в одно большое кафе на открытом воздухе. По аналогии так называют итальянские кварталы и в других городах.

30

Эд Харрис – американский актер, родился в 1950 г. Роль в картине Джеймса Кэмерона «Бездна» принесла ему мировую известность.

31

Мутизм – расстройство речи.

32

Бергамот – гибридный вид растений семейства рутовых, получен путем скрещивания померанца и цитрона.

33

Флердоранж – белые цветы померанцевого дерева, принадлежность свадебного убора невесты.

34

Кит Джаррет – американский джазовый пианист, саксофонист и композитор, родился в 1945 г. В три года начал учиться музыке, в семь лет дал первый сольный концерт. Его импровизациям нет аналогов в мировом музыкальном искусстве.

35

Камилла Клодель – французский скульптор и художник-график (1864–1943). С 1884 г. работала в мастерской Родена и была его моделью, источником вдохновения, ученицей и любовницей.

36

Мадленки – сорт печенья.

37

«Made in Heaven» – последний альбом рок-группы «Qween», выпущенный 6 ноября 1995 г.

38

Перевод Н. Лясковской.

39

Имеется в виду «International Herald Tribune» – многотиражная международная газета на английском языке. Продается в 180 странах.

Купить: https://tellnovel.com/giyom-myusso/potomu-chto-ya-tebya-lyublyu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити